

Андрей Дмитриевич Константинов
Вор
Серия «Бандитский Петербург», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132869
Вор / Андрей Константинов: Астрель-СПб; Санкт-Петербург; 2007
ISBN 978-5-9725-0952-2

Аннотация

Став журналистом, Андрей Обнорский от умирающего в тюремной больнице человека получает информацию о том, что одна из картин в Эрмитаже некогда была заменена им на копию. Никто не знает об этой подмене, и никому не известно, где находится оригинал. Андрей Обнорский предпринимает собственное, смертельно опасное расследование...

Содержание

Пролог	5
Часть I	12
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Константинов

Вор

© А. Константинов, 2007

© ООО «Астрель-СПб», 2007

* * *

Пролог

Санкт-Петербург, сентябрь 1992 года

Субботний вечер был еще по-летнему теплым, но листва на деревьях в садике двора большого серого дома на Каменноостровском проспекте уже наливалась желтизной, отражаясь в светлых лужах, еще не просохших после недавнего дождя. В такие тихие субботние сентябрьские вечера Петербург пустел – горожане старались перед наступавшей холодной и дождливой осенью использовать каждый выходной для того, чтобы покопаться на дачных участках.

Впрочем, жильцы серого дома на Каменноостровском были в основном людьми достаточно состоятельными, чтобы не ковыряться на огородах, – они уезжали за город подышать свежим воздухом, попариться в баньках, превосходивших размерами убогие времянки на участках простых смертных, расслабиться вдали от каменных кружев Питера...

Двор был пуст, когда в него вошли через просторную подворотню три смешных старика в старомодных болоньевых плащах и шляпах с обвисшими полями. Один из троицы бережно толкал перед собой детскую колясочку, руки других были свободными. Эти двое выглядели совсем комично, потому что на ногах у них поверх стареньких туфель были надеты резиновые галоши.

Старики неспешно прошлепали к скамеечке в центре двора, уселись и о чем-то оживленно зашушукались – не иначе как обсуждали очередное повышение цен и задержку выплаты пенсий... Впрочем, они обсуждали совсем другие вопросы – из всей троицы пенсионного возраста достиг только один, но он скорее умер бы под забором, чем согласился получать деньги от государства. Дело в том, что смешной старичок в галошах был вором – настоящим законником, коронованным еще в конце сороковых в спецлагере Севураллага.

«Как же давно все это было... Неужели – жизнь прошла?..»

Вор на мгновение сомкнул веки и зябко передернул плечами – в последнее время ему постоянно не хватало тепла, видимо, слишком медленно бежала по жилам старицкая кровь... Впрочем, внутренней силы у него еще было достаточно. Вор открыл холодно блеснувшие глаза, весь подобрался и негромко сказал:

– Пора.

Тот, который качал колясочку, остался сидеть на скамеечке, а второй обладатель галош встал, взял старика под руку, и они направились к подъезду, отгородившемуся от двора массивной металлической дверью с кодовым замком. Дверь эту спутник старика открыл мгновенно – словно она и не была заперта. Вор шагнул в полумрак подъезда, аккуратно закрыл дверь, щелкнув замком, а его напарник уже взлетал на третий этаж быстрыми и длинными, совсем не старицкими прыжками...

Вор не спеша поднялся до площадки второго этажа, чувствуя, как его начинают охватывать знакомая лихорадка азарта, ощущение риска, страх, волнение и гордость от сознания того, что он сумеет страх перебороть... Эту сложную гамму чувств, наверное, можно было бы сравнить с тем, что испытывает альпинист, глядя на вершину, которую ему еще только предстоит покорить...

Вор за свою долгую и страшную жизнь поставил¹ десятки, а может быть, даже сотни хат – и каждый раз перед проникновением в чужой дом его колотило, как в первый раз. Как ни странно, вор в своей работе больше всего любил именно эти мгновения наивысшего напряжения нервов, мгновения концентрации сил, словно перед прыжком в холодный омут. Старик ждал этих секунд, словно наркоман очередной дозы, он мистически верил в то,

¹ Поставить – обворовать (жарг.).

что каждая поставленная квартира вливает в него жизненную силу, заставляющую отступать старость...

Вор преодолел еще один лестничный пролет и остановился на небольшой площадке у окна, смотревшего во двор. В подъезде было по-прежнему тихо – только на третьем этаже перед роскошной тяжелой дверью, обитой натуральной кожей, еле слышно звякал чем-то металлическим спутник старика.

Вор спокойно смотрел на своего помощника, не подгоняя его ни словом, ни жестом, – последнее дело говорить что-нибудь под руку человеку, занятому тонкой работой.

– Готово, – наконец выдохнул человек у двери и обтер рукавом плаща пот со лба.

Старик легкими, неслышными шагами поднялся на площадку третьего этажа, достал из кармана брюк секундомер, глянул на напарника и еле слышно прошептал:

– С Богом, Жора, поехали!

Жора облизнул губы и быстро скользнул в прихожую темной квартиры. Вор шагнул следом, аккуратно прикрыл дверь, достал из внутреннего кармана плаща фонарик и посветил уже колдовавшему над ящиком с сигнализацией напарнику. В квартире было очень тихо – окна, рамы в которых были заменены на звукоизолирующие финские пакеты, не пропускали с улицы шума, характерного для одной из крупнейших городских магистралей, – лишь отчетливо слышалось хриплое дыхание Жоры.

– Осталось двадцать секунд, – спокойно, даже почти бесстрастно констатировал старик, на мгновение переведя луч фонарика на циферблат секундомера.

Напарник не ответил, только дыхание его стало еще более хриплым и частым.

– Все! – наконец выдохнул он и обессиленно опустился прямо на пол в прихожей, отдуваясь, как после долгого бега.

Вор застопорил секундомер, взглянул на циферблат и усмехнулся:

– С запасом... Девять секунд еще наши были...

Он похлопал Жору по плечу, закрыл входную дверь на засов и пошел на кухню, доставая на ходу из кармана пиджака «воки-токи».

Окно кухни выходило во двор; вор слегка отдернул занавеску, нашел взглядом фигуру «старичка» с коляской и сказал в переговорное устройство:

– Мы на месте.

«Старичок» на скамейке посмотрел на окно, еле заметно кивнул и поднес ко рту маленькую черную коробочку.

– Все спокойно, – услышал вор его искаженный эфиром голос.

Старик кивнул, убрал «воки-токи» в карман и пошел в глубь квартиры, натягивая на ходу зеленые резиновые перчатки. Судя по всему, вор хорошо знал планировку квартиры – так уверенно он двигался по чужому дому.

Вернувшись в прихожую, старик открыл стенной шкаф и вытащил оттуда две большие дорожные сумки. Сунув пустые вместительные баулы уже пришедшему в себя и отдышавшемуся Жоре, вор пошел по комнатам. Комнат было шесть, и все они поражали богатым убранством, роскошью, бросавшейся в глаза даже в полумраке: ковры, массивная антикварная мебель, картины на стенах, старинные люстры и светильники гармонично сочетались с суперсовременными телевизорами, музыкальными центрами и компьютерами. Вор осматривал комнаты с какой-то странной усмешкой, время от времени покачивая красивой седой головой.

В просторном кабинете напротив массивного дубового письменного стола на стене висел поясной портрет хозяина квартиры работы Ильи Глазунова. Старик присел на краешек стола и долго смотрел на брезгливо-надменное лицо с тяжелыми брылями щек.

– Ну что, Миша, время разбрасывать камни и время – собирать? Не кидайте – и некидаемы будете... Менты, говоришь, товар зажурковали? Сучонок...

Вор усмехнулся и перевел взгляд с портрета на стоявшую рядом с ним на столе большую пепельницу из серебра и горного хрусталя. Пепельница была сделана в форме драккара викингов: сама ладья – из хрусталя, щиты по бортам и голова дракона – из серебра. Щиты попеременно сверкали рубинами и изумрудами, а глаза дракона горели алмазами.

Старик хмыкнул и щелкнул дракона по носу. Вещица была ему хорошо знакома – десять месяцев назад вор взял ее на квартире академика Хворостина вместе с кое-какими картинами фламандских мастеров и уникальной коллекцией античных монет... Наколку на ту хату дал Миша Монахов, и ему же старик сбросил добычу – их вязка с Мишей была давней, заплелась она еще в семьдесят восьмом году в Коми АССР, где оба топтали одну зону. Вор попал туда как активный член известной ленинградской шайки «Хунта», а Монахова сделала «комиком» история, легшая впоследствии в основу одного из фильмов популярного советского сериала «Следствие ведут знатоки».

В середине семидесятых годов молодой перспективный работник Ленювелирторга Михаил Монахов организовал артель из спившихся художников, скульпторов и ювелиров и поставил на поточный метод производство ювелирных изделий «под Фаберже». На подделки ставилось настоящее, подлинное клеймо поставщика двора его императорского величества Карла Фаберже, которое сложным и темным путем попало в руки Миши.

Поток «Фаберже от Монахова» уходил в основном за кордон, и за несколько лет Миша стал настоящим подпольным миллионером. Но потом где-то в отлаженной цепочке случился сбой, ювелирами-нелегалами заинтересовался КГБ, и все в одночасье рухнуло... Забавно, что сел Монахов лишь за контрабанду – экспертиза Комитета сначала не смогла установить, что за границу шел не подлинный Фаберже, а «левый».

В лагере вор помог Монахову выжить, опекал и защищал его, а в восемьдесят четвертом, когда оба вернулись в Ленинград, началось их взаимовыгодное сотрудничество: вор ставил хаты богатых коллекционеров, а Миша по старым и новым каналам перегонял похищенное на Запад, где у него была уже целая сеть заказчиков. Часто поступали конкретные заявки, но вор брался выполнять далеко не каждую – у старика были свои принципы, он почему-то соглашался разорять только частные коллекции, упорно отказываясь работать по государственным музеям. Монахова это обстоятельство откровенно раздражало. Зная, какой бардак творится во многих запасниках, Миша не раз пытался доказать вору, что красть из государственных музеев безопаснее, чем из квартир частных, тем более что в этих музеях не так сложно было бы найти помощников из числа сотрудников... Но все уговоры были тщетными. Монахов бесился оттого, что срывались шикарные заявки, однако старик стоял на своем... В конце концов случилось то, что должно было, – решив, что вор впадает понемногу в старческий маразм со своими принципами, Миша начал постепенно переключаться на Виталия Амбера и прикрывавшего его Антибиотика.

Антибиотик...

Старик скрипнул зубами и вновь на портрет поднял взгляд, в котором горел желтый волчий огонь. Ему очень захотелось харкнуть на холст, и он с трудом подавил это желание.

Антибиотик...

Вор, конечно, узнал о новых друзьях Монахова и пытался даже образумить Мишу, говоря, что за этими двумя – Амбером и Антибиотиком – слишком уж много человеческой крови... Нет, старик, конечно, и сам был не ангелом, за долгую жизнь убивать приходилось и ему, причем не раз, но вор не был душегубом и никогда не убивал по корысти... Монахов же над всеми увещеваниями только посмеялся – не в глаза, конечно... Слабого – предают. Этот жестокий закон зоны старик никогда не забывал, а потому не особенно даже удивился, когда Миша откровенно «кинул» его на вещах из коллекции академика Хворостина. Когда вор пришел к Монахову за своей долей, ему была поведана душераздирающая история о том, как менты поганые накрыли тайник, где хранилась партия подготовленного для пере-

правки на Запад товара, в том числе и вещи из квартиры Хворостина... Старик выслушал эту байку спокойно, даже покивал сочувственно, когда Миша стонал о своих убытках... Вору хватило недели, чтобы убедиться на сто процентов в том, что Монахов прогнал порожняк, – ни менты, ни Комитет никакого тайника с подготовленным для контрабанды товаром не накрывали. Миша не учел того обстоятельства, что у старика остались неплохие связи в самых разных городских структурах, и уж что-то, а проверить достоверность информации о «большом успехе правоохранительных органов» – было делом несложным... Тем не менее вор не стал делать предъяву Монахову: открытое обвинение партнера в крысятничестве привело бы, скорее всего, только к одному – старику просто через денек-другой перерезали бы горло обычные уличные хулиганы или дали бы в подъезде молотком по черепу пару раз для полного успокоения... Вор был еще не настолько стар, чтобы впасть в идиотизм и перестать адекватно оценивать обстановку, он понимал, что наступило новое время – насквозь сучье и рачье.

Нет, естественно, и раньше такое бывало, когда люди предавали и продавали тех, у кого ели с руки, но теперь процесс скурвливания невероятно ускорился. Если раньше человек с гнильцой мог разлагаться долго, иногда годами или даже десятилетиями, то после победы демократии в России, открывшей ворота на дорогу в светлое капиталистическое будущее, некоторые путники этого тракта ссучивались в один день – приличные в прошлом воры и дельцы дичали и превращались в ублюдков, для которых перешагнуть через кровь было так же просто, как через лужу, оставшуюся на асфальте после майского дождя... Что говорить о молодежи, если даже солидные авторитеты перестали в спорах и конфликтных ситуациях стремиться разрешить дело миром? К чему слова, если пуля, нож или граната всегда с лихвой компенсируют отсутствие справедливых аргументов? Кто сильнее, тот и прав. Оно, конечно, и раньше было именно так, но человеческая жизнь в преступном мире все же больше уважалась. Жизнь – она ведь человеку Богом дадена, а потому отбирать ее друг у друга можно лишь в случаях исключительных, когда ее обладатель начинает вести себя совсем уж не по-божески... И когда такое было возможно, чтобы вора или авторитета валил непонятно кто и непонятно за что? А оставшиеся в живых потом начинали коситься друг на друга с подозрением. Спору нет, убивали серьезных людей и раньше, только это не нынешние подлые «заказухи» были, а приведение в исполнение приговоров – и все знали, за что и почему... А беспредельных мокрушников-душегубов воровской мир мог разыскать и наказать быстрее и эффективнее ментовки... Но это все было раньше, а теперь наступило время ссученных, которые передергивали воровской закон, как сламщики² крапленые карты на катранах³.

Вор все это понимал и не стал выходить на состоявшийся в конце февраля 1992 года сходняк в гостинице «Астория» со своей проблемой. Тем более что его пригласить туда «забыли». Нет, конечно, если бы старик пришел туда сам – никто бы ему в месте и показушном уважении не отказал бы, но... Смешно было бы ждать справедливости от сходняка, на котором банковал Витька Антибиотик... А особенно после той давней истории с Гурге-ном...

Что можно противопоставить грубой силе? Другую силу. А если ее нет? Тогда – ум, хитрость, терпение и убежденность в своей правоте. Не так важно, как тебя ударили, – важно, как ты встал и ответил...

И старик сделал вид, что схавал за чистое наглую Мишину туфту, а сам вскоре распустил слухи о том, что заболел, отошел от дел и собрался помирать, тем более что костлявая и впрямь подошла к нему вплотную. В марте светило питерской онкологии профессор

² Сламщик – шулер (жарг.).

³ Катран – место игры (жарг.).

Ураков поставил вору беспощадный диагноз – неоперабельный рак легких. Это был приговор, по которому жить старику оставалось от года до пятнадцати месяцев... Вор выслушал это известие спокойно, не дрогнул и не сломался, лишь подробно проконсультировался, что нужно делать, чтобы притормозить хоть ненадолго развитие болезни и избавить себя от лишних мучений... Так что в его немощь и отход все поверили, с трогательным ханжеским участием даже отслюнявили деньжат из общака на лекарства – словно подачку бросили. И Монахов приезжал, сюсюкал, препараты швейцарские привозил, два часа рассказывал, какие они дорогие и дефицитные, так что старик едва сдержался, чтобы не посоветовать Мише самому эти инъекции себе в жопу ширнуть...

А когда еще через несколько недель все окончательно о нем забыли, перестали навещать и вроде как похоронили заживо – вот тогда и начал вор разрабатывать план обноса⁴ Мишиной хаты на Каменноостровском проспекте. Монахов оборудовал свою квартиру дверьми, решетками и сигнализациями новейших систем и считал, гаденыш, что поставить ее невозможно... От больших денег и долгой безнаказанности человек глупеет, забыл Миша свою же собственную любимую присказку на зоне о том, что на каждую хитрую жопу всегда найдется член с винтом...

Хату Монахова старик разрабатывал несколько месяцев – чертил схемы по памяти, вышел осторожно (через двойные-тройные прокладки⁵) на тех, кто ставил Мише бронированную дверь, решетки и сигнализацию, выписал из Москвы (опять же не сам, а через посредников) три бригады частных детективов и установил посменное наблюдение за домом на Каменноостровском...

Труднее всего было подобрать непосредственных подельников, но в июле девяносто второго откинулся с зоны Жора Пианист, получивший в свое время погоняло⁶ за длинные музыкальные пальцы, легко ладившие с замками и запорами любых систем. Путевку в жизнь Жоре когда-то дал вор, и Пианист не забыл старика: объявившись в Питере, пошел перво-наперво не к кому-нибудь, а к своему учителю... Они проговорили тогда всю ночь напролет, и Жора вошел в концессию – нигде не светясь, он снял комнату неподалеку от квартиры старика и приходил к нему для консультаций лишь по ночам...

Третьего, того, кто должен был стоять на стреме и в случае необходимости прикрыть отход Жоры и старика из квартиры, вор вызвонил из Казани. Татарина звали Равилем Шамсутдиновым, и он работал не за долю, а по гонорару – казанцу было все равно, какая добыча взята на хате, он получал зеленые независимо от результата. Равиль сидел только раз в своей жизни, но по сто второй, мокрой, статье; он был человеком молчаливым и хладнокровным, по-настоящему верующим, а потому непьющим и не употребляющим наркотики...

Татарин лишних вопросов не задавал и даже не знал, кому принадлежит квартира, в которую вошли старик с Пианистом...

...Вор отвел взгляд от портрета Монахова, обошел письменный стол и выдвинул незапертый ящик – в нем лежали какие-то удостоверения и бланки. Старик достал один и поднес к глазам – красивое тиснение на мелованной бумаге свидетельствовало о том, что бланк принадлежал депутату Петросовета, входившему в комиссию по законности. Старик улыбнулся. Он слышал, что Миша стал помощником депутата, но, честно говоря, не до конца верил в эту байку – как-никак сидел-то Монахов не за диссидентство, а по чистой уголовке. Но, видать, и впрямь все встало с ног на уши в пошедшей вразнос России...

⁴ Обнос – подготовленная квартирная кража (жарг.).

⁵ Прокладка – посредник, используемый втемную (жарг.).

⁶ Погоняло – прозвище (жарг.).

Вор раздраженно швырнул бланк в ящик стола и потер левой рукой грудь под плащом. Он несколько раз с усилием сглотнул, пытаясь подавить накатывавшийся приступ кашля, но не выдержал и рванулся в туалет – его душила мокрота, старику казалось, что вместе с ней он выхаркивает куски своих легких... После приступа ему стало легче. Выйдя из туалета, вор даже пошутил, подмигнув Жоре и кивнув на массивные бронзовые ручки туалетной двери:

– Не иначе как из мариинского сортира взял... Помощник депутатский!

Пианист улыбнулся, но при этом выразительно глянул на часы. Вор кивнул, и они пошли по комнатам наполнять баулы. Старик лишь указывал, что брать, а Жора аккуратно укладывал все в сумки – картины, иконы, кубки, часы, шкатулки... Много было в квартире у Миши приятных вещей. Приятных и очень дорогих.

Единственное, чего не хватало Мише, – это чувства меры, стиля и вкуса. Русские иконы на стенах соседствовали с японской вышивкой на шелке, Снайдерс – с Репиным, а старинное оружие – с абстракционистами...

На наполнение сумок ушло полтора часа. За это время Жора успел еще и обнаружить в квартире два тайника: один с рыжьём⁷, другой с камушками. Пианист уже переминался с ноги на ногу и поглядывал на входную дверь, а вор все не торопился уходить, словно держало что-то в этой квартире... Старик вернулся в кабинет Монахова, скользнул глазами по стенам и поднял взгляд к массивному карнизу из красного дерева. Пожевав нижнюю губу, вор резко скомандовал Жоре:

– А ну-ка... принеси стремянку из прихожей!

Вскарабкавшись на лестницу, старик долго осматривал карниз, подсвечивая себе фонариком, потом удовлетворенно кивнул и спустился вниз.

– Давай, Жора, там что-то есть!

С этим тайником Пианист провозился минут десять, а потом в карнизе что-то щелкнуло, открылась боковая крышка, и Жора осторожно вытащил наружу большой чертежный тубус. Вор взял футляр у него из рук, открыл замок и вынул старый свернутый холст. Бережно развернув картину, старик быстро оглядел ее и почувствовал, как его бросило в жар. Вор глянул на подпись, неверяще затряс головой и перевел дыхание.

– Что там? – глухо спросил Жора, спускаясь по стремянке.

– Да так, – усмехнулся старик. – Показалось, что... Копия это... Крутая, правда... Видать, Миша по второму кругу пошел – с «левой» ювелирки на живопись переключился...

– А вдруг – подлинник? – спросил Пианист, складывая лестницу и вынося ее в прихожую.

Вор улыбнулся, свернул холст и убрал его обратно в тубус.

– Подлинник, Жора, в Эрмитаже. И не в запасниках, а на постоянной экспозиции, так что...

В этот момент в кармане его плаща запищал «воки-токи». Старик вынул устройство, нажал на кнопку приема и поднес коробочку к уху. Спокойный голос Равиля сообщил:

– У меня здесь такси какое-то «левое» крутится...

– Понял, – ответил вор. – У нас все, мы уходим. Через пять минут подтвердим.

В прихожей старик тщательно протер замшевой тряпочкой все поверхности, к которым они с Жорой прикасались до того, как надели перчатки, и открыл засов двери. Пианист подхватил баулы, вор взял тубус, и они вышли на лестничную площадку.

На лифте они поднялись на последний, седьмой, этаж, вышли и поднялись еще на один пролет к металлической лесенке, которая вела на чердак. Жора кошкой взлетел к чердачному люку и, в несколько секунд открыв висячий амбарный замок, откинул крышку. Старик

⁷ Рыжьё – золото (жарг.).

подал Пианисту сначала одну сумку, затем другую (Жора, стоя на лестнице, быстро переправил добычу на чердак), потом сам встал на ступеньки, отдал напарнику, протянувшему уже из люка руку, тубус и полез наверх. Их ухода на чердак никто не видел – ни одна дверь в подъезде не открывалась, и с улицы никто не заходил. На чердаке они скинули с себя плащи, сняли с обуви галоши и упаковали весь этот пенсионерский прикид в легкую нейлоновую сумку. После этого вор достал «воки-токи» и сказал в переговорное устройство только два слова:

– Мы выходим.

– Понял, – так же кратко откликнулся Равиль, по-прежнему качавший во дворе детскую колясочку.

Через пять минут из подъезда, расположенного правее подъезда Монахова, вышли мужчина средних лет с двумя сумками и благообразный осанистый седой старик с черным тубусом в руках – ни дать ни взять профессор из технического вуза.

– Вас подвезти? – вежливо спросил старика мужчина с сумками. Со стороны казалось, что один предлагает другому обычную соседскую услугу. Профессор важно кивнул, парочка вышла из подворотни и погрузилась в замызганный «Москвич-412».

Как только таратайка уехала, встал с лавочки во дворе и «старичок» с колясочкой. «Пенсионер», очень натурально шаркая подошвами разношенных туфель, выкатил коляску на Каменноостровский, прошел квартал и свернул в подворотню. Войдя в первый попавшийся подъезд, «старичок» закатил коляску под лестницу, снял с себя плащ и шляпу и сложил их в вынутый из кармана пластиковый пакет. Потом Равиль достал из-под одеяла в коляске пистолет Стечкина, сунул его сзади за ремень брюк и поднялся на второй этаж. Там он снова вынул пистолет, обтер его носовым платком, в него же завернул ствол и затолкал за батарею парового отопления. Уходить с оружием было опасно: дурацкая случайность, проверка документов милицейским патрулем могла стоить очень дорого, гораздо дороже цены «стечкина». Впрочем, Равиль был человеком хозяйственным и подумал о том, что через день можно будет послать за стволом какого-нибудь ханыгу: пьяница согласится хоть автомат волочь через весь город за пару пузырей дешевой водки из ларька...

На улице было уже темно, когда из подворотни на Каменноостровский вышел подтянутый моложавый мужчина с характерным восточным разрезом глаз. Ему не составило труда быстро затеряться в суете оживленного проспекта...

Часть I

Вор

В конце сентября 1992 года на Петербург обрушились холодные дожди, быстро добившие недолгое бабье лето. Первый заместитель начальника питерского ОРБ⁸ Геннадий Петрович Ващанов ежился от холода в своем кабинете на третьем этаже Большого дома на Литейном и с тоской смотрел на дождевые слезы на оконном стекле.

В кабинете было действительно прохладно – центральное отопление еще не включили и включить должны были не скоро, а допроситься обогревателей в ХОЗУ было делом нереальным. Поэтому Геннадий Петрович сидел за своим столом в наброшенной на плечи куртке и, зябко передергивая плечами, мечтал о горячем песке, теплом море и ярком солнце. Многие «клиенты» подполковника Ващанова – бандиты и «прибандиченные» бизнесмены – продлевали летний сезон, уматывая на Кипр или в Турцию: там и в октябре еще можно загорать и купаться. Сволочи... Геннадий Петрович почувствовал сильнейшее раздражение к тем, кого еще только начинали называть новыми русскими и кто мог позволить себе поездки на модные курорты, казавшиеся еще совсем недавно абсолютно недоступными для советского человека...

Раздражение подполковника было особенно острым оттого, что, в принципе, он тоже мог бы купить тур на Средиземное море для себя и своей любовницы Светочки, танцевавшей в варьете ресторана «Тройка». Денег хватило бы и на билеты, и на приличный отель, и на кабаки. Проблема была в том, что после возвращения из такой поездки возникло бы очень много вопросов и у «особой инспекции»⁹, и у старших братьев¹⁰, и у своих же сотрудников. Правильный мент не может ездить с любовницей на Кипр. Правильный мент должен ловить тех, кто туда ездит, ходить на службу в говенном костюме, стрелять деньги перед получкой, курить дешевые сигареты и ездить в трамвае. Вот тогда ни у кого никаких вопросов не будет.

Ващанов скрипнул зубами и, скривившись, достал из лежавшей перед ним на столе мятой пачки «беломорину». Дома Геннадий Петрович уже давно курил только «Мальборо», да и на работе, честно говоря, таскал с собой «Беломор» больше для блезиру – когда подполковнику хотелось покурить, он выходил в коридор и стрелял сигаретку у кого-нибудь из сотрудников. Если сигарета оказывалась приличной – «Кэмел», скажем, или «Ротманс», – Ващанов, угощаясь из протянутой ему пачки, обязательно норовил подколоть сослуживца, говоря с наигранным удивлением вроде как в шутку:

– Бога-атые сигареты... Интересно, откуда у оперов деньги на такие? Коррумпируемся помаленьку?

Сотрудник, натянуто улыбаясь, начинал что-то отвечать, а Геннадий Петрович снисходительно кивал, с удовольствием затягиваясь халявкой.

Но сейчас идти в коридор на охоту подполковнику не хотелось. Час назад он, что называется, нарвался – подошел к группе оперов, смоливших у туалета что-то явно неплохое, судя

⁸ ОРБ – оперативно-розыскное бюро, особое подразделение милиции, переименованное позднее в РУОП – региональное управление по борьбе с организованной преступностью.

⁹ «Особая инспекция» – жаргонное название Инспекции по личному составу – подразделения, входившего организационно в службу кадров и занимавшегося вопросами внутренней безопасности. Инспекция проводила разработки сотрудников милиции, подозревавшихся в коррупции и совершении должностных преступлений.

¹⁰ Старшими братьями в милиции до сих пор называют сотрудников ФСБ – бывшего КГБ. В Большом доме на Литейном, 4, милиция занимала первые три этажа, а комитетчики, которых после переименования их организации начали дразнить федерастами, – все остальные, как и положено старшим братьям.

по запаху, и попросил закурить. Гришка Луговой, с которым Ващанов начинал когда-то свою милицейскую карьеру еще в Куйбышевском РУВД, мгновенно сориентировался и вытащил из кармана расхристанную пачку «Беломора»:

– Держи, Гена, это вроде твои любимые?

Подполковнику оставалось только с кислой миной взять полувысыпавшуюся папиросу и удалиться к себе в кабинет, спиной чувствуя ухмылки оперов. «Ничего, Гриша, ничего... остроумный ты наш. То-то до сих пор в капитанах бегаешь! Седой уже, а как мальчишка. И все из-за характера; не хочешь с руководством правильно отношения строить – не надо». Сам Геннадий Петрович год назад получил звание подполковника милиции и очень этим гордился. Когда у него иногда портилось на службе настроение, он открывал стоявший в кабинете шкаф и примерял китель с подполковничьими погонами. Форма очень шла Ващанову, и он носил бы ее с удовольствием, но не принято это было в ОРБ, опера засмеяли бы...

На этот раз настроение было настолько паршивым, что примеркой кителя его явно было не исправить. Наверное, погода во всем виновата, льет и льет за окном, тоску нагоняет... Геннадий Петрович решительно снял трубку телефона и набрал домашний номер Светланы:

– Алло, это я. Заеду сегодня часов в семь, потолкуем... Что?.. Да успеешь ты на свое выступление... В крайнем случае скажешь, что заболела. Все.

Ващанов швырнул трубку на рычаги и довольно потянулся. Вечер обещал быть более приятным, чем день. Если, конечно, ничего не случится – в ментовке, как известно, ничего нельзя загадывать наперед. Геннадий Петрович даже постучал на всякий случай по деревянному столу и поплевал через плечо: все менты – люди суеверные. Работа такая. Хочешь не хочешь, а станешь суеверным.

Размышления Ващанова о том, в какой именно позе он трахнет Светочку для начала, прервал телефонный звонок. Подполковник мрачно перевел взгляд на аппарат, сердито засопел, но трубку все же снял, потому что звонил телефон, номер которого был известен очень немногим:

– Слушаю!

– Привет, дружище.

Абонент не счел нужным представиться, и Геннадий Петрович нахмурился:

– Кто звонит, вам кого?

Человек на другом конце линии хохотнул хорошо знакомым Ващанову коротким каркающим смехом, в котором не было веселья и доброты:

– Не узнал, что ли? Богатым буду, не иначе...

Подполковник, разумеется, уже узнал это характерное неподражаемое перханье и непроизвольно чуть привстал со стула – он всегда так привставал, когда разговаривал по телефону с начальством.

– Извините... Не узнал сразу, задумался...

Геннадий Петрович не стал называть звонившего. Не то чтобы предполагал, что его телефон могут прослушивать, – как-никак был Ващанов не каким-нибудь вшивым районным опером, а целым первым замом начальника ОРБ, – но все же... Как любил говаривать его собеседник: «Береженого Бог бережет, а не береженого – конвой стережет».

Между тем голос в телефонной трубке загустел и посерьезнел:

– Как у тебя со временем сегодня вечером? Есть предложение – посидим за стаканчиком, темку одну обговорим...

Подполковник чуть не выругался с досады, но вовремя сдержался. Похоже, вечер утех со Светланой накрывался медным тазом. Без особой надежды Геннадий Петрович попытался все же перенести встречу на другой день:

– А на завтра – никак? У нас тут сегодня напряженка небольшая... А завтра бы мы...

– Завтра никак, – твердо и уверенно перебил его собеседник. – Сегодня нужно обсудить, тема – серьезная.

– Хорошо, – вздохнул Ващанов. – Где и во сколько?

– Там же. В двадцать тридцать.

– О'кей, буду, – сказал Геннадий Петрович в трубку, откуда уже слышались короткие гудки отбоя...

Подполковник повесил трубку, грузно осел на стул и тяжело вздохнул. Собственно говоря, в буквальном смысле звонивший не был его начальником. Этот человек имел к правоохранительной системе весьма, скажем так, специфическое отношение – когда-то он отмотал у «хозяина» два срока за кражи. Правда, давно это было, много воды утекло с тех пор, многое изменилось в стране, ох многое... Это раньше те, кто сидел по уголовным статьям, были обречены на теневую и полуподпольную жизнь, а сегодня... Сегодня сроками чуть ли не гордятся, нынешний коммерсант, если он в прошлом не воровал, не фарцевал или не спекулировал, в своем кругу считается белой вороной. Впрочем, собеседник Геннадия Петровича, которого звали Виктором Палычем (да, именно Палычем, а не Павловичем), о своих ходках¹¹ вспоминать не любил, хоть и был в свое время коронован ворами под погонялом Антибиотик. Давно это было, и очень мало осталось людей, которые помнили, что в те далекие годы носил Виктор Палыч Говоров совсем другую фамилию – Зуевым он был и на первом сроке, и на втором... Говоровым же Виктор Палыч стал позже, когда женился на директрисе мебельного магазина в пригороде Ленинграда Пушкине. Было это в самом начале восьмидесятых годов, когда из-за известного «лукового дела» чуть было не рухнула вся тщательно выстраивавшаяся долгие годы Антибиотиком «империя». Один Бог (или скорее черт) знает, каких денег тогда стоило Виктору Палычу остаться на воле... Антибиотик взял фамилию жены (она прожила после этого недолго – через несколько месяцев после свадьбы умерла от инфаркта, как было написано в официальном заключении) и вскоре сам стал заместителем директора того самого мебельного магазина, которым руководила когда-то его покойная супруга. Фактически, конечно, заправлял всеми делами в магазине Виктор Палыч, а номинальный директор шагу не делал без него...

Вот именно тогда и познакомился с Виктором Палычем молодой и перспективный старший опер из «убойного цеха» главка капитан милиции Геннадий Ващанов. В мае 1984 года случилась у Антибиотика в магазине маленькая неприятность – подрались двое грузчиков, причем один другому умудрился проломить голову, да так удачно, что медицинская помощь пострадавшему была уже ни к чему. Надо сказать, что грузчики в магазине Виктора Палыча были какими-то странными – все как на подбор молодые, с хорошими спортивными фигурами и, что самое удивительное, практически не пьющие. Еще более любопытным было то обстоятельство, что оформленная в магазине бригада «грузчиков» перетаскиванием мебели себя не утруждала – за них это делали какие-то пушкинские ханыги. Чем же занимались «грузчики», в магазине не знал, судя по всему, даже директор, не говоря уж о продавцах и продавщицах, да и не стремились коллеги Виктора Палыча узнать то, что явно для их мозгов не предназначалось, памятуя добрую русскую поговорку: «Меньше знаешь – лучше спишь». «Грузчики» были ребятами молчаливыми и дисциплинированными, но эксцессы, как известно, бывают в любом коллективе. Как назло, Антибиотика в момент драки в магазине не было, и одна из продавщиц с перепугу позвонила в милицию (через месяц она уволилась по собственному желанию, продала кооперативную квартиру и уехала куда-то в Сибирь к родственникам). Хорошо, что Виктора Палыча сумели быстро разыскать, и приехавших милиционеров встречал уже лично Антибиотик с выражением глубокой скорби на благообразном лице. В те времена убийства были еще большей редкостью –

¹¹ Ходка – пребывание в зоне (жарг.).

это потом, в девяностых годах, в Питере человеческая жизнь стала сущим пустяком и людей начали валить оптом и в розницу каждый Божий день. А в середине восьмидесятых любой криминальный труп становился настоящим ЧП. Вместе с районной бригадой в магазин прибыл и опер из главка капитан Ващанов. Виктор Палыч лично объяснил Гене, что произошло недоразумение, «несчастный случай на производстве» – погибший-де сам упал с заднего крыльца и разбил себе голову, а молодая продавщица так перепугалась и разнервничалась, что наговорила по «02» каких-то ужасов. «Впечатлительная» девушка уже пришла в себя и все слова Антибиотика подтвердила...

Гена оценил обстановку и понял, что если он упрется рогом, то имеет шансы получить хорошего глухаря¹². Между тем Виктор Палыч увлек Ващанова к себе в кабинет и, приговаривая что-то вроде того, что, мол, это гора с горой никогда не сойдутся, а людям Бог велел навстречу друг другу двигаться, достал из сейфа бутылку коньяка «Двин». Гена от рюмки другой не отказался, а потом Антибиотик показал ему, какие гарнитуры из ГДР и Чехословакии получил совсем недавно их магазин... У Ващанова разгорелись глаза: три месяца назад он получил квартиру, и жена постоянно ныла насчет мебели, а в те времена хорошая мебель была очень большим дефицитом...

Короче говоря, визит милиции в магазин Виктора Палыча закончился заключением об отказе в возбуждении уголовного дела, а через две недели шикарный немецкий гарнитур «Каролина» был доставлен не какому-то ветерану, которому он первоначально предназначался, а на квартиру Геннадия Петровичу – нет, естественно, не за так, а по госцене.

Ващанов быстро оценил выгоду нового знакомства: через месяц он попросил сделать хорошую мебель для одного «хорошего человека», который занимал солидную должность в службе кадров ГУВД, – и так оно пошло и поехало... Гена при помощи Антибиотика сначала просто оказывал услуги «нужным» людям, потом начал потихоньку открываться¹³ уголок-другой¹⁴ себе в карман – якобы для того, чтобы дать эти деньги, как тогда говорили, сверху: «Сами понимаете, чешскую кухню так просто не достать...» Правила увлекательной советской игры в дефицит были хорошо всем знакомы, поэтому даже офицеры милиции доплачивали Гене с радостью, лишь бы мебель достал... К слову сказать, таких добытчиков, как Гена Ващанов, в те времена тотального дефицита было немало – бэхи¹⁵, скажем, могли достать все, что угодно, плюс еще чего-нибудь, но далеко не все могли себе позволить к ним обратиться. В УУРе, например, бэхов не любили и просить их о чем-то шкурном считалось западло... Гена же был вроде как своим, к тому же он ничего не просил лично для себя, все делал «по дружбе», то есть не с ближним, а с дальним прицелом.

Те, кому «бескорыстно» помогал «свой парень» Гена Ващанов, тоже потом оказывали ему различные услуги. И карьера у Гены складывалась успешно... Антибиотик же все прекрасно видел и понимал, но до поры ничего от милицейского офицера не требовал – только давал, а Ващанов хапал и хапал, и аппетиты его росли... А потом, когда Гена уже окончательно привык к красивой жизни, а Виктор Палыч потихоньку выбрался из своего пушкинского подполья, – вот тогда все как-то очень быстро переменилось, и Антибиотик стал разговаривать с Ващановым по-другому... Гена к тому времени уже не заблуждался насчет «скромного торгового работника» Говорова – у него были возможности узнать достоверную информацию о прошлом и настоящем Виктора Палыча. И о его роли в мире организованной преступности Ленинграда...

¹² Глухарь – преступление, раскрыть которое нет перспектив. В Москве такие называют висяками (жарг.).

¹³ Открываться – скрывать (жарг.).

¹⁴ Уголок – двадцать пять рублей (жарг.).

¹⁵ Бэхи – сотрудники ОБХСС – отдела борьбы с хищениями социалистической собственности (жарг.).

На какой-то период стало Геннадию Петровичу очень страшно и неудобно, но он быстро сделал свой выбор – естественно, в пользу продолжения дружбы с Антибиотиком, да и не было у Ващанова, если уж говорить до конца честно, никакого выбора – Виктор Палыч поднакопил достаточно компромата на него; хоть и не предъявлял его Говоров, но ведь Ващанов был все-таки опером и все прекрасно понимал сам... Впрочем, о выборе своем Геннадий Петрович не жалел – дружба с Антибиотиком, у которого были очень крутые связи, стала залогом не только более чем успешной карьеры, но и роста личного благосостояния Ващанова. К началу девяностых годов перспективный майор милиции Геннадий Ващанов был уже совсем не бедным человеком, и единственное, что отравляло ему жизнь, – это невозможность пользоваться накопленными капиталами из боязни обратить на свой образ жизни внимание Комитета и «особой инспекции». Даже супруга Геннадия Петровича не представляла себе в полной мере уровня материальной состоятельности своего мужа. Пожалуй, во всем Ленинграде были только два человека, кто знал о том, сколько у Ващанова денег, – сам Геннадий Петрович и Антибиотик, ставший как бы тенью офицера милиции. Но такой тенью, которая управляет движениями тела...

Впрочем, Ващанов подозревал, что далеко не у него одного был Виктор Палыч тенью, но проверить некоторые свои подозрения оперативным путем Геннадий Петрович не решался – слишком хорошо уже понимал, чем может закончиться для него такая проверка в случае малейшего прокола... Временами накатывал на Ващанова липкий ужас, мерещились ему в кошмарных снах лагеря Нижнего Тагила, и вспоминал тогда Геннадий Петрович то беззаботное и чистое время, когда он еще не знал Антибиотика... Но эти периоды депрессии проходили быстро, и ни разу офицер милиции, по большому счету, не пожалел о своем выборе, потому что хорошо знал, каким боком оборачивалась судьба к тем, кто честно и безоглядно тянул свою лямку в розыске, – примеры были, как говорится, перед глазами... Эти бессребреники, как правило, так и оставались операми, не поднимаясь в званиях выше подполковничьих погон, к концу службы у них были большие проблемы со здоровьем от полученных ранений и увечий, нервных перегрузок и бессистемного питания, от злоупотребления алкоголем – единственным доступным им средством для снятия чудовищных стрессов...

Семьи таких офицеров разваливались – какая жена выдержит сумасшедшую работу мужа, помноженную на хроническое безденежье, – оставались эти служаки одни, поэтому домой вовсе не стремились, для них смыслом жизни был розыск, а раскрытие преступлений становилось своеобразным наркотиком. После того как их с почетом провожали на «заслуженный отдых», они долго не жили, быстро спивались и умирали в своих маленьких запущенных квартирках, всеми забытые и никому не нужные...

Такой судьбы Геннадий Петрович страшился еще больше, чем ментовской зоны. К тому же он четко знал – полного бессребреничества и кристальной чистоты в грязной милицмейской работе не бывает: не раз и не два за время службы тем же самым бессребреникам приходилось на многое закрывать глаза и поступать не по совести – как, например, в декабре 1990 года, когда произошло «покушение» на известного питерского репортера. Розыскники быстро тогда установили, что никакого покушения не было, была чистой воды инсценировка в рекламных целях, но... Много было этих самых «но» в работе уголовного розыска, и только кретины могли надеяться, что однажды удастся проломить стену головой. Как правило, ломались головы – и, естественно, судьбы обладателей этих голов...

Со временем Ващанов создал для себя целую оправдательную философскую базу. Преступность, мол, полностью искоренить не удастся никогда, она все время будет видоизменяться, мутировать и приспосабливаться к новым условиям. А раз так, то и задачи нужно ставить для органов реальные: не бороться с преступностью, а ограничивать, держать в разумных рамках, контролировать. И может быть, даже не снаружи, а изнутри. Ген-

надий Петрович полагал, что так принесет гораздо больше пользы обществу, и именно в этом ракурсе рассматривал свой многолетний контакт с Антибиотиком – ведь Виктор Палыч вовсе не защищал весь преступный мир Питера. Наоборот, он частенько подводил под посадку целые группы и шайки, претворяя в жизнь старое правило: чтобы властвовать, нужно уметь разделять... Во многом карьера Гены Ващанова сложилась именно благодаря тому, что ему, а не кому-то другому отдавал Антибиотик мешавших ему беспредельщиков и конкурентов. А что в этом плохого?

В каком-то смысле Геннадий Петрович считал себя идейным борцом за то, чтобы родная преступность становилась более цивилизованной, более человеческой, если угодно... Жаль только, что все эти соображения приходилось держать при себе – слишком много еще в органах было тех, кого Ващанов про себя называл не иначе как тупыми фанатиками...

Геннадий Петрович очнулся от своих тяжелых дум, ощутив в животе некое томление. Это обстоятельство настроение подполковника улучшить не могло. Была в организме Ващанова одна особенность, весьма, в общем-то, для него полезная: как только в жизни офицера милиции намечались какие-то сложности, непонятки или неприятности, нападала на Геннадия Петровича «медвежья болезнь». Как у хорошего солдата перед боем. Сбоев не было ни разу, вот и на этот раз прихватило – значит, разговор с Виктором Палычем предстоял действительно серьезный, с самыми любопытными последствиями...

Ващанов ракетой влетел в свой персональный туалет и вышел оттуда только минут через двадцать, тяжело отдуваясь, как после трудной работы.

Физическое облегчение способствовало общему выравниванию настроения; вообще каждое посещение персонального клозета было для Геннадия Петровича делом приятным – оно напоминало подполковнику о том, что он уже достиг «степеней известных», которые избавили его от печальной необходимости захаживать в общий сортирчик, где писсуары и унитазы постоянно засорялись и выходили из строя...

Ващанов походил по кабинету, постепенно успокаиваясь, наконец не выдержал и извлек из шкафа свой подполковничий китель. Примерив мундир, Геннадий Петрович придирчиво осмотрел себя в зеркале клозетного предбанничка (там стоял у него маленький холодильник с напитками для «нужных людей») и остался доволен. Китель украшали две медали «За беспорочную службу» – второй и третьей степеней, – университетский значок и пятиконечный, старого образца знак «Отличник милиции». Характерным жестом Ващанов закинул назад падавшую на лоб челку, за которую называли его в ОРБ за глаза Чубиком, и втянул живот.

Животик Геннадия Петровича немного удручал, но ничего поделать с его ростом подполковник не мог – не мальчишка же он, в конце-то концов, чтобы мучить себя в спортзале. А то, что некоторые остряки оэрбэшные называют первого зама подполковником с запасом, так это от зависти, не иначе... И не такой уж большой живот, кстати говоря, – в куртке, например, практически незаметен.

Ващанов глянул на часы и заторопился – ему пришло в голову, что можно еще заскочить к Светлане, – перед встречей с Антибиотиком будет даже полезно немного расслабиться, стравить, так сказать, лишний пар...

Должность позволяла Геннадию Петровичу уходить с работы в любое время и не ставить при этом в известность никого, кроме непосредственного шефа, начальника ОРБ полковника Кузьменко, но Дед Кузя (так прозвали опера полковника) как раз приболел – он вообще стал часто болеть в последний год, так что Ващанов практически постоянно был сам себе хозяином. Служебную машину подполковник решил не брать – все-таки не домой собирался ехать, а к любовнице... Оно, конечно, не восьмидесятые годы на дворе, и с внебрачной половой жизнью у милицейской номенклатуры стало попроще; разводы и адюльтеры уже не ломали карьеры с таким смачным хрустом, как в недавние партийные времена,

но все же... Как говорит тот же Виктор Палыч, главное – не борзеть и не зарываться, и в этом старик, несомненно, прав. Дело ведь не только в том, что у первого заместителя начальника ОРБ есть любовница, – у кого их нет, любовниц-то, дело, как говорится, житейское... Вопрос в том, кто она, эта любовница. Одно дело – какая-нибудь учительница, или врачиха, или следачка из прокуратуры – словом, баба непритязательная и «социально близкая». И совсем другое дело, если пассия танцует в шоу-программе в «Тройке», если ноги у нее такие, как у девочек на японских календарях, да и грудь с задницей не хуже... Такую ляльку открыто держать в постоянных любовницах – это все равно что на работу внагляк приезжать на личном «мерседесе», только самый тупой не задумается: а откуда, собственно, у честного – и, стало быть, бедного – мента средства на приобретение и содержание такого шикарного «аппарата»?

Поэтому Геннадий Петрович, выскочив из Большого дома, сел на автобус, переехал на нем Литейный мост и, выйдя на улице Лебедева, поймал такси.

К Светлане он прибыл за полчаса до назначенного им самим срока – танцовщица не ждала его так рано и встретила в халате.

– Ой, Гена, ты же сказал, что в семь приедешь... – залепетала женщина, открыв дверь Ващанову.

– «Реализация» у нас сегодня внеплановая, Светик, – буркнул в ответ Геннадий Петрович, быстро снимая куртку в прихожей.

Света даже, что называется, ойкнуть не успела, как Ващанов затащил ее в комнату, наклонил к дивану, задрал халат и, приведя таким образом «аппарат» в рабочее состояние, пристроился сзади, не снимая ботинок. А что делать, если времени в обрез? Ментовский секс – это, как правило, быстро и угрюмо. Зато от души...

Через десять минут обалдевшая от неожиданного напора Светочка убежала на кухню ставить кофе, а разомлевший Геннадий Петрович раскинулся на диване, довольно почесывая живот. Лихой кавалерийский наскок напомнил Ващанову бурные дни милицейской молодости. Эх, какие они в лейтенантские годы с ребятами фортеля выкидывали! И пили, и трахались, и не боялись никого. А сейчас... Геннадий Петрович почувствовал, как настроение снова начинает портиться, но в этот момент в комнату впорхнула Света с дымящейся чашкой кофе и бутербродами на подносе. Проехавшись взглядом по ее формам, Ващанов снова повеселел.

– Не бережешь ты себя, Геночка, – укоризненно покачала головой Светлана. По-бабьи подперев щеку, она облокотилась на стол и наблюдала, как подполковник торопливо заглатывает угощение. – Нельзя же так... Опять небось целый день голодный...

– Служба, Светик, служба, – глубокомысленно промычал с набитым ртом Геннадий Петрович и взглянул на часы: – Ого! Время-то как бежит!

Ващанов завозился на диване, собираясь встать, но Светлана обиженно надула губы:

– Уже уходишь? Гена, у тебя на все время есть, кроме меня! Я жду, жду, а ты появляешься, как всегда, на минуточку! Я ведь женщина все-таки! Между прочим, ждущая и любящая, а ты меня только «минуточками-минеточками» кормишь! А мне мало этого, понимаешь, мало!

В голосе Светы отчетливо прорезались неподдельные рыдающие нотки, и Геннадий Петрович самодовольно улыбнулся: что говорить, приятно, когда такая роскошная женщина страдает из-за скоротечности и редкости свиданий...

– Ну пойми ты, Светик-семицветик, работа у меня такая, – ласково начал увещевать танцовщицу Ващанов, залезая рукой за вырез тонкого шелкового халата Светланы (а там было что потрогать – как говорится, полная запазуха). – Думаешь, я не скучаю, не хочу побыть с тобой подольше? Потерпи, скоро все устаканится... Кстати, что ты там говорила насчет «минеточки»? Успеет ли по-быстренькому, а?

– Ты же опаздываешь, Геночка, – робко попыталась возразить Света, но Геннадий Петрович уже крепко ухватил ее за затылок и притянул к себе.

– Давай, давай, лапонька, успеем... Вот так... О-о-ой, хорошо... Успеем, долго ли умечу-то...

«Умечу-то как раз долго», – хотела было возразить Ващанову Светлана, но делать этого не стала: в свое время «серьезные люди» строго-настрого приказали ей ублажать Геннадия Петровича по полной программе и ни в чем никогда не перечить... К тому же Света была достаточно воспитанной петербургской дамой и никогда не разговаривала с набитым ртом...

Через несколько минут подполковник уже напяливал на себя куртку в прихожей и щелкал замками входной двери.

– Все, Светик, я побежал! Не скучай, через пару деньков звякну – постараюсь побольше времени выкроить!

Дверь захлопнулась. Светлана тыльной стороной ладони вытерла характерно блестящие после «минеточки» щеки и, вздохнув, подошла к телефону...

Между тем Ващанов поймал на улице машину и, договорившись о цене с водителем, устало откинулся в кресле переднего сиденья. Ехать предстояло под Репино. Слова «там же», которые Антибиотик произнес по телефону, означали, что встреча состоится в небольшом уютном ресторанчике «Домик егеря» – это было удобное место для конфиденциальных разговоров, там всегда для Виктора Палыча был зарезервирован отдельный кабинет с двумя потайными выходами – на всякий случай. Персонал в ресторанчике был проверенный и не любопытный, вышколенный по европейским стандартам. В «Домике егеря» Антибиотик назначал только самые важные встречи и только с теми людьми, которых давно хорошо лично знал. Кабинет был всегда готов к приему гостей, хотя и бывал в нем Виктор Палыч не чаще двух-трех раз в месяц, а случалось – и по несколько месяцев кряду не посещал Антибиотик эту тихую пристань. Пристань, кстати говоря, действительно была тихой – в «Домике егеря» практически не случалось драк, скандалов и других «уголовных проявлений» – даже постоянные проститутки этого заведения отличались благовоспитанностью. В принципе, у Виктора Палыча было несколько подобных кабинетов и в самом Питере, и в других его пригородах.

Ващанову, например, была известна одна такая точка – в кабачке «У Степаныча» на Среднеохтинском проспекте, но туда Антибиотик не приглашал Гену ни разу – старик берег подполковника, слишком уж долго он его пестовал и слишком много денег вложил, поэтому и назначал встречи только за городом, где все-таки гораздо труднее было бы попасть под чью-нибудь «наружку».

Виктор Палыч относил Ващанова к своему «золотому запасу» и никогда, как он выражался, «на пустяки не разменивал», а на прямой контакт вызывал только в случае крайней необходимости... Если называть вещи своими именами, то Геннадий Петрович был для Антибиотика агентом суперуровня, и старику хватало мозгов и опыта, чтобы понимать одну простую истину: ни один постоянно действующий агент долго не живет – ни в переносном смысле, ни – зачастую – в прямом. Ведь если постоянно происходит утечка информации, то рано или поздно вычисляется и канал утечки – это азбука агентурной работы. Поэтому профессионалы стараются задействовать наиболее ценные источники как можно реже, чтобы сохранить их как можно дольше... Виктора Палыча никто специально методике работы с агентурой не обучал, но он через практику пришел к осознанию необходимости периодической «консервации» своих людей. А практика эта была такой же темной и страшной, какой была душа Антибиотика. Если у него, конечно, вообще была душа...

Ващанов прибыл к «Домику егеря» с десятиминутным опозданием, но заходить в кабачок не стал. Геннадий Петрович закурил, дождался, пока уедет подвезшая его машина, внимательно оглядел окрестности и только после этого вошел в ресторан.

Антибиотик уже ждал его в кабинете.

– Опаздываешь, Гена, – с легкой укоризной покачал головой Виктор Палыч, не утруждая себя вставанием. – Я уже беспокоиться начал.

– Да на работе у нас сегодня сплошные напряги, Виктор Палыч, – начал оправдываться Ващанов. – А потом, как назло, еще на переезде стояли...

Антибиотик, которому сорок минут назад звонила Светлана (она поведала о том, какие именно «напряги» были у подполковника), только крикнул по-стариковски, но уличать собеседника в неискренности не стал – какой смысл? На маленькую ложь можно и закрыть глаза, лишь бы по-крупному не врал... Хотя, как говаривал папаша Мюллер из «Семнадцати мгновений весны», «маленькая ложь рождает большое недоверие». С этим афоризмом Виктор Палыч был согласен целиком и полностью. Люди вообще по природе своей лживы, а уж тем более мусора, да еще ссучившиеся... В свое время Антибиотик и подвел к Ващанову Свету из «Тройки» как раз для того, чтобы иметь возможность дополнительного контроля и присмотра за офицером милиции, поэтому никаких иллюзий в отношении абсолютной правдивости Геннадия Петровича не питал. Но Ващанову хватало ума (или страха перед Виктором Палычем), чтобы не обманывать в серьезных вопросах...

– Спасибо тебе, дорогой, что нашел для старика время, – заблажил Антибиотик, прикладывая руку к сердцу. – У тебя служба серьезная, проблемы – государственные... Оно, конечно... У нас-то дела попроще в основном... А тут, как на грех, случилась одна непонятка – и никак, понимаешь, без твоего совета не обойтись...

– О чем разговор, Виктор Палыч! – воскликнул подполковник, присаживаясь к столу. – Кстати, как здоровьице ваше?

– Да ничего, Гена, ничего, – вздохнул Антибиотик. – Годы, конечно, не скинешь, но на пенсию я пока не собираюсь... Вот только уставать что-то стал в последнее время, работы очень много. А где работа – там и проблемы, будь они неладны... То одно, то другое... Веришь, неделю не могу выкроить, чтобы кости прогреть где-нибудь на песочке у моря...

Ващанов сочувственно закивал:

– Да, к морю теплему сейчас в самый раз бы было...

И Геннадий Петрович зябко передернул плечами.

Антибиотик заметил это движение и предложил:

– Как насчет красненького? Кровь согреем – по стаканчику не повредит в такую-то сырость. И для сердца полезно. Мне говорили, что у французов инфарктов практически не бывает, а все потому, что красное вино пьют. А в нем – кислород и солнечная энергия...

– Не откажусь, – кивнул Ващанов, потирая ладони. – Я сегодня что-то целый день на нервах... Погода, наверное, давит.

Неслышно возникший в кабинете официант ловко наполнил два фужера «Хванчкарой» – любимым вином Виктора Палыча – и удалился так же незаметно, как и появился.

– Да, Гена, тяжело тебе приходится, – сочувственно закивал Антибиотик, пригубив свой бокал. – А с другой стороны – кому сейчас легко? Время такое... Раньше говорили: хочешь жить – умей вертеться. А теперь, чтобы жить, нужно не просто уметь вертеться, а уметь вертеться быстро, да при этом надо еще через подножки перепрыгивать, которые тебе со всех сторон подставляют... М-да... Так вот – почему я тебя сегодня побеспокоил, от дел оторвал... У моего хорошего друга неприятность на днях случилась. Он в выходные на дачу отъезжал. Вернулся, а квартиру-то его обнесли... Много чего хорошего взяли,

и все бы ничего, как говорится. Бог дал – Бог и взял... Но есть одно обстоятельство... Пропала одна очень дорогая для друга моего вещица...

– Какая вещица? – быстро спросил Ващанов.

Геннадий Петрович уже допил свое вино и нервно покручивал в руках пустой фужер. Виктор Палыч искоса глянул на подполковника и пожевал губами. Казалось, самый обычный вопрос Ващанова почему-то вызвал раздражение Антибиотика, словно он не хотел отвечать... Помолчав немного, старик все же сказал:

– Картина пропала. Ее обязательно нужно найти. За расходами дело не станет, ты меня знаешь... Кстати, доля твоя за медь через два дня будет у тебя... Мое слово крепкое...

– Спасибо, – растерянно пробормотал Геннадий Петрович. Он никак не ожидал, что Виктор Палыч выдернул его на разговор из-за квартирной кражи. Ведь Антибиотику-то поднять обнос¹⁶ в некотором роде было бы даже проще, чем сотрудникам милиции. Старик – вернее, его людям – не нужно тратить время и силы на разную бюрократическую волокиту... Опять же на допросах подозреваемых можно не стесняться... А уж контактов в уголовном мире у Виктора Палыча, как говорится, дай Бог каждому... Или не дай Бог никому, если точнее... – А что же это за картина такая, за которую сам Виктор Палыч хлопчет? – спросил Ващанов, пытливо заглядывая Антибиотику в глаза.

Старик нахмурился. Нет, все же не зря Гене подполковничьи погоны повесили. Ишь как по болевым точкам бьет – влет тему просекает, чувствуется школа оперская... Антибиотик хмыкнул и подумал о том, что смысла тянуть интригующую паузу нет никакого – либо надо рассказывать Ващанову все как есть, либо не надо было вообще заводить с ним этот разговор. Наконец Виктор Палыч кивнул и, отхлебнув глоток вина, ответил:

– Скажу, Геночка, скажу... Тебе – скажу. Но только тебе. Мы с тобой люди взрослые, обойдемся без предупреждений и клятв... Картина эта – «Эгина» Рембрандта. Знаешь такого художника?

Ващанову показалось, что он ослышался. Удивление подполковника было столь сильным, что он даже не обратил внимания на подколку, прозвучавшую в последней фразе Антибиотика. Геннадий Петрович, конечно, не был большим знатоком живописи, но про рембрандтовскую «Эгину» и про ее историю слышал...

– Копия? – нарушил наконец паузу Ващанов, облизывая разом пересохшие губы.

– Нет, Гена, не копия, – медленно покачал головой Виктор Палыч. – В том-то и дело, что не копия...

Геннадий Петрович сделал глотательное движение и полез в карман за своим «Беломором»:

– Так «Эгина» же... Она же в Эрмитаже висит...

Антибиотик вместо ответа молча посмотрел в глаза подполковнику долгим немигающим взглядом, от которого у Геннадия Петровича противно засосало под ложечкой.

– Понимаю, – хрипло сказал Ващанов, отводя взгляд, хотя, положив руку на сердце, он ни хрена еще не понимал в той запутке, в которую затаскивал его Виктор Палыч. Подполковник откашлялся, взял со стола бутылку «Хванчкары» и щедро плеснул себе в бокал. Выпил залпом и почувствовал, как по жилам пошло приятное тепло. Антибиотик по-прежнему молчал. Геннадий Петрович закурил, откашлялся еще раз и спросил: – А кто еще знает, что в Эрмитаже... что там не совсем Рембрандт висит?

Виктор Палыч встал из-за стола и сделал несколько быстрых шагов по кабинету. Резко повернувшись, он снова в упор посмотрел на Ващанова и глухо сказал:

– Про это сейчас четыре человека знают. Я, друг мой, у которого эту картину взяли, из Эрмитажа один серьезный человек... И ты, Гена... Все. Сразу хочу предупредить:

¹⁶ Поднять обнос – раскрыть квартирную кражу (жарг.).

что для дела нужно – спрашивай, но, по-моему, все вопросы относительно биографии этой «Эгины» – лишние...

Старик лукавил. На самом деле об «Эгине» знало чуть больше народу... Но зачем Гене лишняя информация?

– Понимаю, – кивнул Геннадий Петрович. – Только...

– Что «только»? – раздраженно спросил Антибиотик.

Ващанов раздавил в пепельнице «беломорину» и поднял на старика взгляд:

– Так ли это, что всего четыре человека в курсе? Я не из любопытства спрашиваю, Виктор Палыч, важно это...

Антибиотик снова уселся на свое место и, отхлебнув из фужера, устало ответил:

– Так, Гена, так, не беспокойся... Кто еще про это знал – они уже умерли...

Снова зябко стало Геннадию Петровичу, но, поежившись, он задал новый вопрос:

– А кто, кто хату ставил... Кто картину взял... Он-то, получается, тоже теперь в курсе...

Виктор Палыч нетерпеливо махнул рукой:

– Вряд ли... Те, что хату потрошили, про картину ничего не знали, они дуриком на нее наскочили... Там и без «Эгины» было что взять... Так что эти не в счет... Они, скорее всего, решили, что нашли хорошую копию... Да и времени и возможности сделать хорошую экспертизу у них не было... Пока не было... Потому-то и нужно нам найти эту картину как можно скорее. Выбора нет. Сделать нужно все очень быстро и аккуратно... И еще. В жизни всякое бывает, всякое случается. Все мы люди, а не волшебники... Поэтому, если случится так, что кто-то из другой системы натолкнется на эту «Эгину», если она не в те руки попадет... тогда все усилия нужно будет приложить, чтобы заменить картину на копию... У нас есть еще одна. Очень хорошая. Просто как две капли воды...

Ващанов почувствовал, что голова у него начинает идти кругом, и выплеснул из бутылки в бокал остатки «Хванчары». Подкрепившись, подполковник сказал:

– Все это понятно... Я, конечно, Виктор Палыч, сделаю все, что от меня зависит... Вы же знаете... Но мне концы нужны, чтобы танцевать от чего-то... Приятель ваш – он кто?

Антибиотик понимающе кивнул:

– Думаю, ты его знаешь... Миша Монахов.

– А-а, – протянул Геннадий Петрович. – Миллионер...

(Миллионером окрестили Монахова на зоне, когда узнали, какими интересными делами занимался Миша до посадки. Так и прилипло это погоняло к Монахову, хотя сам Миша очень его не любил.)

– Он самый, – усмехнулся Виктор Палыч. – Всегда Мишу за умного и битого держал – и надо же так фраернуться! Оставил картину без присмотра... Правда, квартира у Миши – как сейф, кто бы мог подумать, что эти твари туда заберутся и сигнализацию отключить сумеют...

– И на старуху бывает проруха, – сочувственно покачал головой Ващанов. – А Монахов, я надеюсь, в милицию не заявлял?

– Нет, конечно, – фыркнул Антибиотик. – Он все-таки не идиот... Я вот тебе заявляю от его имени... Найди картину, Гена, ей-богу, не пожалеешь...

Ващанов пожал плечами. Последняя мысль Виктора Палыча была спорной. Подполковник даже представить себе не мог, сколько миллионов долларов могла стоить подлинная «Эгина». Но знал, что много. А в таких делах каждый лишний свидетель опасен. Есть тайны, которые лучше не раскрывать – себе дороже выйдет... С другой стороны, Геннадий Петрович и так уже знал слишком много...

– Я понимаю, – вздохнул Ващанов. – Но и вы меня поймите, Виктор Палыч... Я ведь не Господь Бог, не ясновидящий... Мне выходы на «Эгину» нужны... Надо бы Монахова допросить... в смысле – побеседовать... Не из любопытства, а чтоб обстановку оценить,

чтобы направление поиска определить... И человеку из Эрмитажа кое-какие вопросы я бы задал.

Антибиотик недовольно засопел и слегка прихлопнул рукой по столу:

– Лишнее это, Гена. Спрашивай меня о чем хочешь. А перед ними светиться тебе не стоит... Что же касается направления поиска – тут мы уже кое-что сделали... Собственно...

Виктор Палыч снова вылез из-за стола и начал расхаживать по кабинету.

– Собственно... «Эгину» и остальное взял Барон... Слыхал про такого?

– Не приходилось, – ответил вконец растерявшийся Ващанов. – Так если вы знаете, кто взял, зачем же тогда мне...

Антибиотик перебил Геннадия Петровича, не дав ему договорить:

– Странно, что ты о нем не слышал... Он в свое время гремел – в законе был... А потом вроде как отошел от дел-то воровских... Так, пощипывал на пропитание барыг разных. Но, видать, под старость сразу в дамки прыгнуть захотел... Много взял – и куда ему, старому, столько?... Одной ногой в могиле уже, а все туда же... Ну да черт с ним, со старым, пусть подавится барахлом, лишь бы «Эгину» вернул...

Подполковник неожиданно зашелся приступом кашля, после которого у него на глазах даже выступили слезы. Отдышавшись, Ващанов помотал головой и спросил:

– Где гарантии, что именно этот Барон брал? Я, конечно, в ваших возможностях не сомневаюсь, Виктор Палыч, но...

– Есть гарантия, Гена. Есть, – твердо ответил Антибиотик, глядя на Геннадия Петровича сверху вниз. – Однозначно это...

Виктор Палыч не стал объяснять Ващанову, что на самом-то деле его уверенность в участии Барона в краже была вовсе не такой однозначной, как хотелось бы... Двумя днями раньше засветился с одной вещицей из коллекции Монахова некто Жора Пианист, как потом выяснилось, только в июле вернувшийся с зоны. Этот Жора пытался толкнуть одну акварельку человеку Амбера – видать, деньги парню позарез нужны были... Когда Пианист пришел к перекупщику за деньгами, его уже ждала засада – Антибиотик поручил взять Жору «тепленьким» людям Миши Стреляного. И вот тут-то и случилась лажа – Мишины придурки взять Пианиста по-тихому не смогли. Жора засаду срисовал, стал уходить, отстреливаясь, завалил одного из быков, и тогда остальные, забыв с перепугу, что им велено было взять человека живым, нашпиговали Пианиста свинцом, как утку орехами... С мертвого, известное дело, не спросишь, но известно было, что когда-то Жора при Бароне в учениках ходил, после освобождения его в Питере ни в одной компании не видели, так что вполне мог Пианист к своему учителю податься... Родных-то у него в городе не было... Да и кто бы мог дать Жоре наколку на монаховскую хату, если не Барон? Нет, не мог Пианист сам, в одиночку, такую работу поднять – по времени и средствам не получается... Наверняка с ним Барон в доле был, тем более что у старика обида на Монахова оставалась... Но наверняка – это не доказательство, а логическое построение Барону не предъявишь... Можно было бы, конечно, по-простому выкрасть старика и отдать его Черепу, который у Антибиотика заведовал «контрразведкой» и языки развязывать умел... Но вдруг бы Барон взял и помер раньше, чем заговорил? А ну как окажется, что не при делах он? Замучить старого и больного заслуженного вора – это дело, конечно, нехитрое, но серьезное. За такое спросить могут, если какая утечка пойдет. А у Барона есть связи, в Москве-то его многие помнят, один Гурген до конца жизни на старого молиться должен после той истории в воркутинском лагере...

Вспомнив о делах давно минувших дней, Виктор Палыч зло прикусил губу. Нет, грубо наезжать на Барона нельзя было – слишком стремные последствия могли возникнуть в случае малейшего прокола... И дело тут вовсе не в воровской дружбе: не верил Антибиотик ни в дружбу, ни в братство воровское, чушь все это. На старого Барона всем давно насрать

с горки – кому нужны старики, только под ногами путаются да про традиции с понятиями гундят... Но те, кому Виктор Палыч поперек горла стоит, вполне смогут смерть старика как повод для предьявы использовать, чтобы старые счета свести... По понятиям-то вора к смерти только сходяжик приговорить может... Исчезни Барон бесследно – и то с Антибиотика спросить могут: почему не углядел, почему не уберег дедушку... И совсем другое дело, если старика мусора захватят. Вору тюрьма – дом родной, он в ней рождается и умирает. Умирает...

Ващанов осторожно кашлянул, привлекая внимание о чем-то глубоко задумавшегося Антибиотика, и спросил:

– Так если вы, Виктор Палыч, точно знаете, что хату этот Барон ставил, почему же вы сами не...

– Потому, – буркнул Антибиотик, возвращаясь в свое кресло за столом. – Оно, конечно, на первый взгляд нам вроде как дожать его и проще... Но... Я Барона хорошо знаю – в Воркуте у «хозяина» вместе были. Упертый он. Задавится, а не отдаст нам «Эгину», из принципа своего сучьего не отдаст. А вот вы – другое дело. С вами ему на принципах своих давиться необязательно, тем более заради государственной картины; у Барона, кстати, на этой теме пунктик, он из госмузеев ничего не брал... Ты, Гена, закрой старого хотя бы на месячишко да попрессуй как следует. Не мне тебя учить. Барону ведь землю топтать недолго осталось – зачем ему барахло все это? В могилу с собой все равно не утянет, по наследству передать – так нет у него наследников... А воля – она и есть воля, на воле и дышится по-другому... Говорят, что перед смертью не надышишься... Но не так это, Гена. Поверь, что не так... Каждый месячишко много значит. На этом и сыграть надо. Он вам – картину, вы ему – волю. А?

– Легко сказать «закрой», – вздохнул Геннадий Петрович. – Тем более что этот Барон – пердун старый. Сейчас молодых-то закрывать тяжело стало – мест в тюрьме нет, в «Крестах» зеки – как кильки в банке, сплошная братская могила. Для того чтобы качественно приземлить¹⁷, основания нужны...

– Так ведь на то ты у нас и голова, – усмехнулся Виктор Палыч. – Было бы просто – сами бы все сделали. Помозгуй, Гена. Я, кстати, слышал, что тебя к ордену представили. Верно?

– Спасибо, – кивнул смешавшийся подполковник. – Только до ордена еще дожить надо.

– Доживем, Генуля дорогой, доживем, – засмеялся Антибиотик. – Куда ж мы денемся-то... У тебя, как я вижу, большое будущее будет. Только за друзей держись. Дружба – это великое дело, Гена, с друзьями никогда не пропадешь... Давай-ка мы еще по стаканчику поднимем.

– Не откажусь, – наклонил голову Ващанов. Хоть и прикончил подполковник бутылку «Хванчары» практически в одиночку, но не цепляло его вино. Уж больно нервным разговор получился...

Виктор Палыч дождался, пока выйдет из кабинета открывший новую пузатую бутылку официант, и поднял свой бокал:

– За дружбу, Гена! За настоящую мужскую дружбу, которую ты, не в обиду будет сказано, в своей системе никогда не найдешь. У вас там нет друганов, все больше партнеры, тьфу ты, блядь, прям как у пидорасов, честное слово. А мы, Геннадий, крепки именно настоящей мужской дружбой. На том и стоим.

Антибиотик чокнулся с Геннадием Петровичем, который согласно кивнул:

– За дружбу и удачу, Виктор Палыч!

¹⁷ Приземлить – арестовать (жарг.).

Подполковник высосал бокал до дна, Антибиотик же лишь отхлебнул, поглядывая исподлобья на своего собеседника. Когда Ващанов поставил фужер на стол, Виктор Палыч вздохнул:

– Хорошо сидим... Однако ж время – деньги... Дела у меня еще, ехать пора... Да и у тебя, наверное, хлопот своих полно... Ты возьми бумажку – тут все, что надо, про Барона написано: где живет, как найти, биография...

Антибиотик положил перед подполковником несколько листов бумаги с убористым машинописным текстом и встал.

– Помозгуй как следует, Гена... Я все-таки думаю, что старого закрывать надо... Была мысль попасти его, но Барон не сявка, а профессионал, не верится мне, что он нас сам к своему тайничку привел бы... Срубит хвост, вообще затаится... Старая школа, не то что молодежь нынешняя – им лишь бы бакинские в карманах зашуршали поскорее. Оттого и горят.

Виктор Палыч хмыкнул, вспомнив застреленного Пианиста, и протянул Геннадию Петровичу руку для прощания.

– Если вопросы какие возникнут – звони сразу, ты знаешь, куда и как. Ну, бывай. Такси за тобой минут через десять придет.

– До свидания, Виктор Палыч, – неуклюже приподнялся со своего кресла Ващанов.

Когда Антибиотик вышел из кабинета, подполковник плюхнулся обратно и торопливо налил себе вина – грех такое добро недопитым оставлять, честное слово...

Выпив, Геннадий Петрович поставил локти на стол, обхватил голову ладонями и начал напряженно размышлять... Не нравилась Ващанову вся эта история с «Эгиной», очень не нравилась... Тем более что, судя по всему, приплетались сюда еще какие-то старые счета между ворами. Кожей чувствовал подполковник, что втрагивает его Виктор Палыч в блудняк¹⁸, причем в качественный такой, суровый... А что сделать-то? Поздно соскакивать с паровоза, слишком уж скорость большая – можно насмерть разбиться...

В ночь после разговора с Антибиотиком Ващанов спал плохо – долго ворочался на кровати рядом со сладко похрапывавшей женой (располнела она в последние годы – корова какая-то, а не женщина), наконец не выдержал и ушел на кухню курить. Аромат «Мальборо» успокаивал, и, глядя на голубоватые слои дыма, Геннадий Петрович попытался подвести некоторые итоги и наметить первые шаги, которые предстояло сделать с утра.

«Легко сказать – закрой Барона... И так для Палыча много делаю... По дружбе...»

Ващанов усмехнулся, вспомнив тост Антибиотика за дружбу.

«Ишь ты – дружба... Дружба дружбой, а денежки-то, однако, врозь... Интересно, сколько Палыч с „Эгины“ поимеет? Побольше, небось, чем мне состегнет... Хитер старик – ничего про гонорар конкретного не сказал... „За расходами дело не станет“ – и все... А тут жопу подставляя в таком блудняке».

Геннадий Петрович не очень хорошо разбирался в вопросах, связанных с хищениями и контрабандой антиквариата, потому что в те годы, когда еще работал в УУРе, занимался в основном раскрытием убийств, а антикварщики держались особняком, у них был свой отдел и свои тайны. «Убойщики» пересекались с антикварщиками только тогда, когда в Питере в очередной богатой квартире убивали очередного старичка-коллекционера, а это, надо сказать, случалось не так уж редко, по крайней мере чаще, чем находили совершивших эти преступления... Много было в Питере антиквариата, а еще больше было на нем крови человеческой. Странными путями собирались иные коллекции – уходили эти пути-дорожки в ледяные дни ленинградской блокады и еще дальше, в лихолетье Гражданской войны...

¹⁸ Блудняк – авантюрная ситуация с непредсказуемыми последствиями (*жарг.*).

Много страшных тайн знали старички-антикварщики, но делиться ими ни с кем не торопились, иной раз так и уносили их с собой в могилу.

Кстати, не раз и не два сталкивался оперуполномоченный Гена Ващанов с тем, что убийц коллекционеров находили, а вот похищенные сокровища куда-то исчезали. А то и вовсе глухарями зависали такие дела по причинам, о которых в те времена и думать-то было небезопасно. Иногда казалось, что за большинством убийств антикварщиков стоит какая-то организация, структура, но в восьмидесятых годах высказывать такие мысли вслух не рекомендовалось – не поощрялись тогда разговоры о мафии и организованной преступности. Совсем не поощрялись...

Перебирая в памяти известные ему убийства коллекционеров, Геннадий Петрович все больше мрачнел. «А ведь было что-то насчет того, что Палыч к какой-то из этих мокрух касательство имел, боком каким-то мелькнул... Кто-то из наших еще этим занимался... Кто?»

Напрягшись, подполковник вспомнил: в 1988 году был зарезан антикварщик Варфоломеев – старик жил один, и труп его обнаружили лишь через несколько дней... А занимался этой темой тогда Степа Марков из пятнадцатого отдела. То есть тогда-то Марков еще в районе работал, на «земле»... Что-то у него тогда с этой историей нехорошее случилось, проблемы какие-то возникли... Ну да, а потом его Никита Кудасов и перетащил к себе в отдел... И не после этой ли истории прилипла к Маркову кличка Чокнутый – за то, что он тогда рогом в стенку упирался?..

Ващанов нахмурился и подумал о том, что с утра надо бы вызвать Степу и порасспрашивать его аккуратно о том деле... Подполковник и сам не понимал, почему его мысли от конкретного задания Антибиотика свернули вдруг на тему убийств ленинградских коллекционеров. Просто Геннадий Петрович инстинктивно чувствовал опасность и хотел лучше разобраться в обстановке, чтобы не использовали его вслепую. Грамотное изучение и оценка обстановки – залог принятия верных решений, а верные решения помогают жить дольше и приятнее. Простое вроде бы правило, а вот соблюдать его тяжело...

Ващанов вздохнул и заставил себя сосредоточиться на просьбе Виктора Палыча. Хотя какая там просьба – это был самый настоящий приказ, и попробуй его не выполни...

«Чертова „Эгина“... Интересно, что ж там за яичница в Эрмитаже-то висит вместо Рембрандта?.. Темны дела твои, Господи... Барон этот хренов... Как такого битого дедулю заземлить? Попробовать-то можно... И не таких обламывали... Только поделикатнее здесь нужно... На это дело надо толкового и надежного парня поставить, такого, чтоб не подставил в случае чего... Кого?»

Геннадий Петрович долго перебирал в уме разные кандидатуры и наконец остановился на Володе Колбасове. «У этого должно получиться... Парень хваткий и не дурак, перспективу видеть умеет, недосказанное понимает, где надо – переспросит, а где не надо – промолчать догадается... Точно. С ним и поговорю завтра же... Точнее, уже сегодня...»

Приняв решение, он почувствовал облегчение и ушел в спальню, лег и наконец-то смог заснуть...

Утром после традиционного сходняка Геннадий Петрович позвонил в тринадцатый отдел и вызвал к себе Колбасова. Через несколько минут оперативник уже стучался к нему в кабинет.

Капитана Колбасова Ващанов считал одним из своих, при этом подполковник, однако, знал, что опер далеко не так прост, как хотел казаться... На первый взгляд Колбасов (представляясь людям незнакомым, он произносил свою фамилию с ударением на первом слоге – мол, не от «колбасы», а от «колбы») производил впечатление рубахи-парня – свой в доску оперюга, такой и выпьет вместе со всеми, и анекдот смешной расскажет, и начальство обосрет за общим разговором...

На самом же деле Володя Колбасов был очень, что называется, себе на уме и умел идти к поставленной цели, не выбирая средств. Когда он еще работал на «земле» в районе, случилась в его коллективе такая история: два опера (одним из них был как раз Колбасов) рассматривались начальством как возможные кандидаты на повышение, но должность-то была одна, а претендентов – двое. Володя организовал под каким-то предлогом вечеринку для коллег, в процессе которой так накачал водкой своего конкурента, что тот даже «мама» сказать не мог... Утром этот самый конкурент проснулся на лавочке в парке и обнаружил пропажу служебного удостоверения... О повышении этого бедолаги, разумеется, речь больше не шла, должность занял искренне сочувствовавший коллеге Колбасов... Злые языки, правда, поговаривали, что после вечеринки именно Володя взялся проводить своего отключившегося конкурента... Хотя кто его знает, как оно все было на самом деле, пьяные все были. Мог парень и сам удостоверение потерять, а мог и помочь ему в этом кто-то...

Надо сказать, что свое удостоверение Володя Колбасов всегда носил, по комитетской моде, пристегнутым за металлическую цепочку к пуговице внутреннего кармана пиджака – очень уж боялся потерять. Говорили, что этот пунктик появился у Колбасова как раз после истории с его незадачливым соперником...

– Вызывали, Геннадий Петрович? – спросил Колбасов, входя в кабинет Ващанова.

– Заходи, Вова, заходи, – радушно улыбнулся подполковник. – Я что у тебя спросить-то хотел: ты вечером сегодня свободен? Есть у меня идея – как насчет того, чтобы в баньке попариться? А? Усталость снять, разрядиться... Согреться, чем Бог пошлет... Как ты?

– О чем речь, Геннадий Петрович, вы же знаете – я всегда только за.

– Ну и чудненько, – кивнул Геннадий Петрович, не ждавший другого ответа от подчиненного, с которым не однажды посещал разные бани. – Тогда давай закажи на семь вечера номерок на Садовой... Знаешь, да?

– Нет проблем, – кивнул оперативник. – Организуем в лучшем виде... А как насчет массажисток?

Ващанов отрицательно качнул головой:

– Нет, блудей на сегодня не надо. Лишнее... Посидим в чисто мужской компании, обсудим кое-что, поговорим...

– Понял... – заинтригованно протянул Колбасов. – Разрешите идти?

– Давай, – благосклонно кивнул Геннадий Петрович. – И вот еще что – найди сейчас Маркова из пятнадцатого отдела, пусть ко мне зайдет.

– Есть! – откликнулся Колбасов, уже прикрывая за собой дверь в кабинет.

Степа Марков явился минут через пять. В отличие от Колбасова этот парень не отличался оптимизмом – Степа всегда казался немного мрачноватым, это впечатление усиливалось упрямой складкой между бровями, оттенявшими усталые, чуть воспаленные от постоянного недосыпа глаза. Такую категорию оперов Ващанов как раз и называл про себя тупыми фанатиками и относился к ним с тщательно скрываемой неприязнью и некоторой опаской...

– Разрешите?

– Заходи, Степа, располагайся. – Ващанов вышел из-за стола и крепко пожал руку Маркову. – Как работаете? Проблемы есть?

– Да ничего, – пожал плечами Степа, удивленный таким вниманием к своей персоне со стороны высокого начальства. – Работается нормально... А проблемы – так у кого их нет?

– Это правильно, – согласился Ващанов. – Без проблем-то оно даже скучно как-то. Я чего зайти-то попросил... Помнится, ты в свое время по убийству Варфоломеева работал...

– Да, – мрачней еще больше, ответил Степа. – А что?

– Дело-то вроде бы так глухарем и осталось, а? – осторожно начал пробивать Маркова подполковник. – Не удалось раскрутить?

– Скорее не дали раскрутить, товарищ подполковник... А что такое? Все мои рапорты и объясновки – в деле... Я уж думал – былшем все поросло...

– Поросло, да не все... – многозначительно сказал Геннадий Петрович. – Да ты не дергайся так, Степа, к тебе никаких претензий нет. Просто появились кое-какие новые данные... Возможны пересечения... Я тебе говорить сейчас всего не буду, но...

– Неужели перспективы появились? – спросил Марков чуть дрогнувшим голосом.

Это «чуть» не укрылось, однако, от уха Ващанова. «Эк тебя зацепило-то, сынок, – подумал подполковник, внутренне улыбаясь. – На этом я и сыграю, а ты, милый, мне споешь». Вслух он сказал совсем другое:

– Ты присаживайся, Степа, кури... Насчет перспектив пока что-либо определенное сказать трудно, но – вполне возможно. У коллег наших, – Геннадий Петрович показал большим пальцем правой руки в потолок, – информация кое-какая появилась... А уж будет она реализована или нет – сам понимаешь, загадывать трудно... Возможно, мы с ними посотрудничаем... Ты вот что... Ты, Степа, подсвети мне ту историю, так сказать, неофициально... Сам понимаешь, рапорты рапортами, но документы казенные – они всего лишь документы, в них всего не написано. А мне важны твои личные впечатления...

Марков присел к столу, достал «родопину» из пачки, прикурил от дешевой пластмассовой зажигалки. По тому, как подрагивали его желтоватые пальцы, крепко стиснувшие фильтр сигареты, было видно, что опер волнуется.

– Геннадий Петрович... А нельзя будет меня к этой разработке подключить?

«Реванш хочешь взять... Не успокоился, значит», – усмехнулся про себя подполковник и сказал:

– О какой-то разработке пока говорить рано... Но я учту, если складываться будет... Так в чем там тема-то была? Давай, не стесняйся, тут, как говорится, все свои...

Степа вздохнул, глубоко затянулся сигаретой и начал рассказывать:

– История там получилась занятная, а началась она месяца за три до того, как Дмитрию Сергеевичу горло перерезали... В марте восемьдесят восьмого взяли этого Варфоломеева на гоп-стоп. Добра-то у него в квартире много было – от папаши осталось... А папаша этот – Сергей Петрович Варфоломеев – был личностью довольно известной, книжки про Эрмитаж писал популярные: «Замечательные картины», «Героический Эрмитаж». Штук пять написал, его считали известным искусствоведом, хотя Варфоломеев-старший с тех пор, как окончил в восемнадцатом году третий класс частной гимназии, так больше нигде и не учился... А вот жена его действительно была искусствоведом и уже в тридцатые годы работала в Эрмитаже, в научно-просветительском отделе... Но главным делом жизни для Сергея Петровича было собирательство. Причем он не фуфло всякое собирал, а настоящие шедевры, у него было несколько тысяч французских и английских литографий начала девятнадцатого века, работы Эжена Изабе, Лами, Монье, Гаварни, Донье.

– Ни фиги себе! – присвистнул Ващанов, удивленный, однако, не крутостью коллекции Варфоломеева, а тем, как легко сыпал Марков ничего не говорящими подполковнику именами. – Откуда ты так в этом разбираешься? Монье, Лами... Я и слов-то таких отродясь не слыхивал.

– Да я тоже не знал – до того дела, товарищ подполковник... А там уж пришлось с искусствоведами поговорить, каталоги полистать... Заодно и культурный уровень повысил... Ну вот. Самыми ценными в собрании Сергея Петровича были, однако, не литографии и даже не работы Калло (семнадцатый век, между прочим). Самым ценным была коллекция нэцке – маленьких японских фигурок-скульптурок из дерева, слоновой кости, лака и перламутра. Этих фигурок было около трехсот, и они представляли все основные японские школы:

Эдо, Нагоя, Цу и какие-то еще, я уже забыл названия... К этим нэцке прикладывались еще японские цветные гравюры, тоже очень ценные, очень известных японских мастеров... Сейчас вспомню: Харунобу, Утатаро и, кажется, Хокусай.

– Слушай, Степа, кончай мне лекцию читать, – хмыкнул Ващанов. – Не в коня корм. Мне что Хокусай, что Хуйкусай – без разницы. Все равно я в этом ни хрена не понимаю... Ты ближе к делу давай, без этих... Утатаро или как их там.

– Понял, – кивнул Марков. – Так вот – сколько вся эта радость стоила, никто толком даже не знал. Также непонятно было, откуда все это у Сергея Петровича взялось. Однако те коллекционеры, с которыми я успел переговорить, утверждали, что основная часть собрания появилась у Варфоломеева уже после войны, а потом он ее только приумножал... У Сергея Петровича было два сына – Дмитрий и Олег. Дмитрий был старше Олега на двенадцать лет, соответственно одному из братьев в восемьдесят восьмом году было пятьдесят шесть лет, а другому – сорок четыре. Их мать умерла еще в шестидесятые годы, а вот Сергей Петрович ушел из жизни в восемьдесят шестом... Братья, как водится, стали делить наследство... Да, я забыл сказать – старший, то есть Дмитрий Сергеевич, с детства инвалидом был, церебральный паралич и все такое. Но он в полном уме был, руки здоровые; я когда к нему в квартиру пришел, так он по полкам книжным на одних руках лазил, словно паук какой-то... А второй брат, Олег, он художником был, не очень, правда, известным, но зарабатывал хорошо... Копии делал.

– Что? – насторожился Ващанов. – Какие копии?

– Ну, копии с картин знаменитых мастеров, – пояснил Марков. – Ведь многие маленькие музеи заказывают копии известных полотен, потом для разных казенных учреждений заказывали, для гостиниц... Ну и некоторые из разбогатевших торгашей и спекулянтов тоже любили на стенку якобы Айвазовского повесить... Но это уже частные заказы... Вообще-то с этими заказами все не так просто было. Ведь, для того чтобы копию с какой-нибудь картины сделать, нужно каждый раз у эрмитажного начальства специальное разрешение оформлять... Но Олега-то там все знали отлично – и папаша про музей книжки писал, и мать там работала, так что никаких особых проблем у Олега Сергеевича не возникало, и работа была всегда. Хотя прошлое его было небезупречным, я проверял: он пару раз привлекался – один раз за спекуляцию, второй – за незаконные промыслы, но, что называется, отделался легким испугом, помогали ему, не иначе...

– И хорошие он копии делал? – спросил Ващанов внезапно охрипшим голосом.

– Говорили, что очень хорошие, – пожал плечами Марков. – Я, правда, сам ни одной не видел... Ну так вот... Когда Варфоломеев-старший умер, он какую-то часть своей коллекции Эрмитажу завещал, а остальное разделил между сыновьями, причем как-то так странно получилось, что поделить-то коллекцию родитель поделил, но хранителем всей этой радости назначил старшего, видимо, опасался, что младший все пропьет или бабам раздарит... Дмитрий-то остался жить в старой отцовской квартире, а Олег в новостройке на Охте однокомнатную хатенку получил... Ну и, судя по всему, братья ладили между собой не так чтобы очень. Вот... Да, одна важная деталь – коллекция Варфоломеева на всех положенных учетах состояла, в каталогах разных, ну, может, не вся, но большая ее часть... То есть просто так ее было не продать и не вывезти никуда, это однозначно... А в марте восемьдесят восьмого Варфоломеев, который Дмитрий, обратился в милицию с заявлением о том, что на его квартиру было совершено разбойное нападение: вечером позвонили в дверь квартиры, он открыл, а там якобы два кавказца с пистолетами...

– Почему «якобы»? – перебил Степу Ващанов.

Марков усмехнулся и достал из пачки новую сигарету.

– Почему «якобы»?.. Понимаете, Геннадий Петрович, очень уж много в версии Варфоломеева неувязок было... Он в милицию позвонил уже поздно вечером, когда от веревок

злодейских освободился. Туда группу послали, но, естественно, ничего по горячим следам не получилось. А я к нему уже утром пошел – он же инвалид, пришлось уважить... Ну и поговорили... По словам Варфоломеева, его сразу связали и залепили рот скотчем. Он еще меня спросил: «Вы знаете, что такое скотч, молодой человек?» Я говорю: «Знаю, не беспокойтесь»... А после того как связали, эти кавказцы якобы полили его бензином из канистры и стали требовать, чтобы Варфоломеев показал, где что лежит, а иначе, мол, сожгут... Я спрашиваю; «Дмитрий Сергеевич, как же вы могли им это сказать, если у вас рот скотчем-то залеплен был?.. И руки связаны – даже пальцем не показать...» Варфоломеев разозлился, говорит: «Я рассказываю, что было, вот вы их поймите и спросите, почему они так нелогично поступили...» Ладно, действительно в запарке при гоп-стопе всякая дурь случается... Но вот что любопытно – я ведь в его квартире через тринадцать часов после разбоя был, а запаха бензина не учуял... Не могло же все выветриться так быстро? Ну если они на него чуть ли не канистру вылили... И еще. В квартире жуткий бардак, застарелый такой, качественный. Понять, где что лежит, сориентироваться быстро невозможно. А по словам Варфоломеева выходило, что злодеи в квартире минут пятнадцать всего орудовали – взяли самое ценное и ушли... Тут два варианта. Вернее, три. Либо Варфоломеев все-таки сам им все отдал, но он клялся и божился, что ничего не отдавал и не показывал... Либо кто-то детально объяснил им, что брать и где именно...

– А какой третий вариант? – Ващанов начал расхаживать по кабинету – точь-в-точь как Виктор Палыч накануне вечером в «Домике егеря».

– Третий вариант... – Степа пожал плечами и хмыкнул. – Третий вариант, Геннадий Петрович, такой – не было никакого разбоя, и кавказцев тоже не было... Инсценировка была. Причем не очень качественная...

– Погоди. – Подполковник остановился посреди кабинета. – Ты же говорил, что братья сильно не ладили между собой?.. Может быть, младший... Как его – Олег?.. Может, он навел на хату? Или даже сам в налете поучаствовал... А старик начал путаные показания давать, чтобы от братика подозрения отвести... Все же родной брат... Такой вариант тебе в голову не приходил?

– Приходил, – кивнул Марков. – Я его даже отработывал, но Олег в той «теме» явно был не при делах... Я с ним встречался, разговаривал... Между прочим, некоторые его знакомые говорили, Олег, мол, очень опасался, что его братец за кордон свалит и коллекцию с собой прихватит – найдет лазейку... Кстати, опасения эти небеспочвенными были... Как удалось установить, примерно за неделю до налета Дмитрий Сергеевич начал оформление загранпаспорта якобы для турпоездки в Австрию... Это к слову... А Олега я проверял тщательно – непохоже, чтобы он к этой истории отношение имел... Прямое, я имею в виду, отношение... Он вообще в то время очень занят был, несколько месяцев с «Эгиной» работал – днями и ночами, только об этом и думал.

– С чем работал?! С какой «Эгиной»?! – Голос Ващанова едва не сорвался на крик.

Степа удивленно посмотрел на подполковника и спокойно ответил:

– С рембрандтовской... А что такое? Он же входил в бригаду реставраторов... Помните, в восемьдесят пятом в Эрмитаже какой-то придурок кислотой эту картину облил? Ну, тогда об этом еще все газеты писали, во «Взгляде» показывали. Картина-то практически полностью уничтожена была... Потом оказалось, мужик этот, который кислотой плеснул, прибалт какой-то, – псих, его в дурку заперли, а «Эгину» решили отреставрировать... Олег Варфоломеев в эту бригаду попал, потому что он, во-первых, очень хороший специалист по копиям был – я уже говорил, – а во-вторых, незадолго до этого инцидента с кислотой как раз копию «Эгины» писал, ну вот там, наверное, и решили, что он, как никто другой, сможет помочь в реставрации... Картину-то ведь практически заново рисовать пришлось... В то время, когда этот якобы налет на Дмитрия Сергеевича был, Олег как раз работал как каторж-

ный, на виду все время был, не пил, кстати... Нет, тогда ему явно не до сведения счетов с братцем было... А что, товарищ подполковник, есть какая-то другая информация?

Ващанов покачал головой, чувствуя, как взмокла под пиджаком рубашка на спине... «Надо же, как в цвет все пошло...» Нет, не потерял еще Геннадий Петрович оперского верхнего чутья, недаром все-таки ценил и берег его Антибиотик... Подполковник помахал рукой, разгоняя вонючий дым от болгарских сигарет Маркова, и, вздохнув, небрежно сказал:

– Ты рассказывай, Степа, рассказывай... Пока все очень интересно...

– А не так много и рассказывать-то осталось, – почесал затылок Марков. – Мы, конечно, все, что положено, сделали – ориентировки и все такое... Дмитрия Сергеевича я еще несколько раз навещал... И однажды застал у него в квартире некоего Амбера Виталия Витальевича... Слышали, наверное, про такого?

– Кто же про него не слышал, – кивнул Ващанов. – Главный у нас в Питере по антиквариату, монополист, считай...

– Он самый... Я тогда без предварительного звонка зашел, они меня, что называется, не ждали... Амбер сразу слинял. Кстати, его у подъезда машина ждала, за рулем там некто Леша Котин сидел, по кличке Буйвол, известный сбытчик антиквариата, две судимости...

– Ну и что? – поднял брови Ващанов.

– Да, в общем, ничего, конечно, – согласился Марков. – Но у Амбера в коллекционерских кругах репутация-то сами знаете какая... И про контрабанду поговаривали, и про торговлю паленым. И про иное-разное... Разговоры эти, конечно, к делу не пристегнешь, но все-таки... Сам факт общения Дмитрия Сергеевича с таким человеком наводил на определенные мысли...

– Какие, Степа? – спросил Геннадий Петрович. – Ты говори, говори, между нами разговор-то...

– Плохие у меня мысли возникли, товарищ подполковник, – хмыкнул Степа. – Возникла версия, что Дмитрий Сергеевич сам свою коллекцию кому-то передал – либо за деньги, либо, что более вероятно, чтобы через границу ее протащили... А там и Варфоломеев из наших палестин подался бы... Я даже пытался на таможеню выходить, фотографии предметов из коллекции им подсунуть... Но результатов никаких получить не удалось, да и меня в тот момент по другим делам так грузить стали, что... – Марков махнул рукой и вздохнул. – В общем, версия эта так и осталась версией... Но шестнадцатого июня того же восьмидесят восьмого года домработница (она раз в неделю у Варфоломеева порядок в квартире наводить пыталась) обнаружила Дмитрия Сергеевича мертвым – горло ему кто-то от уха до уха перерезал, труп два дня в кресле просидел... Причем следов борьбы или сопротивления не было, очень все походило на то, что кто-то знакомый антикварщика оприходовал.

– Пропало из квартиры что-нибудь? – механически спросил Ващанов, уже предугадывая ответ.

Степа покачал головой и снова вздохнул.

– Сложно сказать... Дело в том, что самое-то ценное еще в марте пропало... А что осталось? Я же говорил, квартира буквально забита была всяким барахлом. Ну, то есть не барахлом, а штучками разными антикварными... Трудно там понять было – брали что-то, не брали...

– А чего же брата младшего не привлекли – он-то мог сказать, если пропало что? – удивился Геннадий Петрович.

Марков взглянул на подполковника, и почему-то неуютно стало Ващанову под этим взглядом.

– Брата... Видите ли, Геннадий Петрович... Двумя неделями раньше Олег Варфоломеев погиб... Пьяный из окна выпал, из своей квартиры... Он в точечном доме на трина-

дцатом этаже жил... Как с «Эгиной» свою работу закончил – запил сильно... Соседи говорили – дня четыре квасил... Несчастный случай. Такие вот совпадения... Так что сказать насчет того, пропало что-то из квартиры Дмитрия Сергеевича или нет, уже некому было... Я пытался связи Варфоломеева отработать, но старики-коллекционеры, к которым обращался, в глухую отказку пошли: «не знаю», «не помню»...

Ващанову стало трудно дышать, и он еле сдержался, чтобы не ослабить на рубашке узел короткого старомодного галстука, повязанного по милицейской моде «шире хари». Марков помолчал немного и продолжил:

– Начал я было связи старика отрабатывать... Оказалось, что у него в последнее время очень много странных знакомых появилось – из сферы обслуживания, дельцов разных... И что особенно любопытно: все они практически имели непосредственное отношение к двум людям – Амберу и Говорову Виктору Палычу, которого, как вы знаете, в определенных кругах Антибиотиком называют... Я все эти соображения в рапорте изложил, и надо же – почти сразу меня в Читу в командировку законопатили... Вместе с Гошей Субботиным – он от главка тогда эту мокруху курировал...

Геннадий Петрович еле заметно вздрогнул – именно он тогда, в восемьдесят восьмом, «помог» Субботину уехать в Читу, и именно по просьбе Виктора Палыча. Только истинной причины просьбы Антибиотика Ващанов тогда не знал – за Гошей-то ведь не одно дело числилось... Поди пойми тогда сразу, на каком именно он дорожку Палычу перешел... Но просьба эта отложились в памяти – не случайно он, значит, ночью-то о касательстве Антибиотика к делу Варфоломеева подумал, не случайно. В оперативной работе именно так часто и бывает – через годы порой все связки-завязки проявляются, момент истины настает...

– Ну вот, – продолжал между тем Степа, – а когда я из Читы вернулся, ничего мне доработать не дали... Жалобы на меня в прокуратуру пошли, проверки начались... Круто взялись. Если бы не Кудасов – совсем бы съели... Спасибо ему – сюда, в ОРБ, перетащил, – ну и от меня отстали вроде бы. Вот и вся история.

– Да, – кивнул Ващанов. – Против Никиты нашего попереть трудно... Он у нас как бульдозер прямо... А конкретное у тебя на Говорова было что-нибудь?

– Нет, – покачал головой Марков. – Только через связи... Ну и интуиция...

– Интуиция, оно, конечно, хорошо, – цыкнул зубом подполковник. – Но суп-то из нее не сварить... Мне про этого Антибиотика все уши прожужжали уже: и такой он, и сякой, и крутой-перекрутой, а конкретики-то – нет... Работать лучше надо!

Степа пожал плечами и вздохнул. Он многое мог сказать по поводу энергичного призыва Геннадия Петровича – и про технико-материальное обеспечение, от которого хотелось если не плакать, то хохотать, и про заваленность делами о примитивном рэке (а показатели-то дай, будь любезен), и про странно складывавшуюся в Питере судебно-следственную практику (сыпались в судах бандитские дела одно за другим), и про другое-прочее... Но ни о чем таком говорить Марков не стал. Тоскливо вдруг стало Степе и очень грустно...

– Ладно, Степа, – подвел итог разговору Ващанов. – Ты мне все очень качественно изложил, будем думать, может, что-нибудь и нарисуеться... До поры никому ничего не говори – сам знаешь, время такое: непонятно, кому верить можно, откуда утечки ждать. Помнишь, как папаша Мюллер в «Мгновениях» говорил: «Что знают трое – знает свинья»? Лады? А я, если что, буду тебя в виду иметь... Ну и ты, если у тебя что-нибудь новое по тем темам проклюнется, сразу мне сообщи. Договорились?

– Слушаюсь, товарищ подполковник. – Марков встал со стула. – Я понимаю... Разрешите идти?

– Иди, Степа, иди...

Ващанов проводил оперативника тяжелым взглядом, дождался, пока за ним закроется дверь, и быстро скинул с себя пиджак – рубашка липла к спине, хотя в кабинете было,

прямо скажем, не жарко... Подполковник присел на краешек стола и опустил голову – что-то странное ворохнулось у него в груди, защемило что-то... Но Геннадий Петрович давно уже жил не по совести, а по принципам целесообразности, которые (принципы то есть) сам же для себя и устанавливал. Поэтому Ващанов встряхнул головой, отогнал мрачные мысли и попытался грамотно переварить полученную от Маркова информацию... Подполковник не собирался, конечно, начинать какую-то свою сепаратную игру – он хорошо понимал, что такого Виктор Палыч не простил бы, а суд у старика, в отличие от государственного, был простым и коротким... Но Ващанов понимал и то, что, расширив свою информационную базу по теме с «Эгиной», он может, во-первых, получить на руки дополнительные козыри, которые помогут ему (в случае успешного окончания всей этой канители, конечно) побольше выторговать у Антибиотика денег за свои услуги, а во-вторых – избежать опасных и ненужных шагов. Хотя от всего, конечно, не убережешься... Подполковник усмехнулся, вспомнив одну из часто употребляемых Виктором Палычем присказок: «Говорил один рабочий – знал бы прикуп, жил бы в Сочи...»

После получасовых напряженных раздумий Ващанов пришел к следующим выводам: копию «Эгины», скорее всего, написал Олег Варфоломеев, даже несколько копий, вероятно. Судя по всему, одна из этих копий была изготовлена на старом холсте и старыми красками, а потом каким-то образом картину в Эрмитаже подменили, побудили психически неполноценного человека плеснуть кислотой на холст, но уже не рембрандтовский, а варфоломеевский... Кислота практически уничтожила картину, психа слили в дурдом, а Варфоломеев-младший принял участие в реставрации своего же творения, после чего уже никакая экспертиза ни к чему придраться не могла – все возможные сомнения отметались бы тем, что, мол, реставраторы что-то сделали не так, перестарались или недостарались, не важно... После того как Олег сделал свое дело, его убрали, чтобы не сболтнул лишнего... Братца, скорее всего, уделали до кучи – кинули на коллекции и расплатились ножом. Хотя не исключено, что и Дмитрий Сергеевич имел какое-то отношение к афере с «Эгиной» и убивали его не только как лоха разведенного¹⁹, но и как опасного свидетеля...

У подполковника возникло несколько вопросов, на которые он не смог дать никаких, даже условных ответов: было абсолютно неясно, например, для чего изначально устраивалась вся эта катавасия с «Эгиной»? Конечно, оригинал стоит безумных денег, но как его реализовать? Проще говоря – куда продать? Ведь картину такого уровня ни на какой черный рынок не притащишь ни в России, ни на Западе – слишком заметная она, слишком известная, кто рискнет так светиться... И вообще, как продать картину, которая официально продолжает висеть в «Эрмитаже»? Покупатель сразу решит, что ему всучивают хорошо сработанную подделку...

И почему эта «Эгина» оказалась в квартире Монахова? Где она была четыре года? Почему ее сразу, скажем, за кордон не переправили? Должен ведь был быть какой-то смысл в этой странной афере... Не могли же картину спереть просто из спортивного интереса – дорогой слишком интерес получается... Опять же человека мочить пришлось (одного как минимум, но, скорее всего, зачистка одним Олегом Варфоломеевым не ограничивалась), а Палыч, кстати говоря, что бы про него ни говорили, никогда не шел на убийство из удовольствия или озорства – только по «производственной необходимости»...

В этом месте Геннадий Петрович прервал свои размышления вопросом к самому себе: а не решит ли Антибиотик после успешного (или безуспешного) окончания истории с «Эгиной», что он, Гена Ващанов, слишком много знает? И не лучше ли в этой ситуации его, Гену, убрать с пробега? Опять же расплачиваться не нужно будет, экономия...

¹⁹ *Лох разведенный* – потерпевший (жарг.).

Из жара подполковника бросило в холод – рубашка еще не успела просохнуть от пота, а Ващанов уже зазнобило, и он торопливо натянул на себя снятый после ухода Маркова пиджак. Согревшись, Геннадий Петрович тщательно взвесил все за и против и пришел к выводу, что оснований для особых опасений пока нет. «Эгина» – это, конечно, хорошо, но таких «эгин» целый «Эрмитаж», а вот людей его, Ващанова, уровня у Антибиотика при всей его крутости все же не десятки... И Виктор Палыч должен это хорошо понимать... Немного успокоившись, подполковник продолжил подведение итогов.

Неприятным обстоятельством, безусловно, было то, что Марков сумел-таки просчитать вероятную причастность Антибиотика к убийству Дмитрия Варфоломеева. Правда, доказательной базы у Степы никакой, но все же... Такие упертые, как этот Марков, способны доставить много неприятностей... Опять же Степа у Никиты Кудасова работает, наверняка с ним в свое время поделился всем, что надывал. А Никитка – как бульдог: если вцепится – не оттащишь... С другой стороны, ни Марков, ни Кудасов явно не знали ничего про «Эгину», и они, будучи лишенными важного куска информации, мозаику сложить не могли. Во всяком случае, пока... Правда, Никита давно уже вокруг Палыча круги наматывает, обложить его пытается, но особых результатов эти его маневры пока не дали (если не считать, конечно, посадки некоторых людей из ближайшего окружения Антибиотика, таких как Валера Ледогоров – его в девяностом закрыли – и Олег Званцев, этого посадили недавно, и, кстати, в обоих случаях Степа Марков не последнюю роль сыграл), но курочка, как известно, клюет по зернышку... Нет, с Никитой придется что-то решать, что-то придумывать... Если просто сидеть и у моря погоды ждать, можно ведь и шторма дожидаться...

Геннадий Петрович вздохнул и заставил себя переключиться на предстоящий вечером разговор с Колбасовым. Володя, конечно, был своим, но не рассказывать же ему в открытую! Это было бы чистым безумием... Значит, нужно запустить Колбасова в игру втемную, но Володя – опер крученый, его на фук не разведешь, стало быть, надо состряпать легенду поубедительнее... А убедительнее всего, как ни странно, людьми (и операми, кстати, тоже) воспринимается не ложь и даже не чистая правда... Убедительнее всего воспринимается смесь правды и правдоподобного вымысла...

Ващанов размышлял долго и наконец остановился на одном из вариантов. Безупречным его, конечно, назвать было нельзя, кое-какие дырки оставались, но ведь и Колбасов – не инспектирующий прокурор...

Володе нестыковки тщательно искать резону нет... Он карьеру сделать хочет, а в России, чтобы сделать карьеру, нужно с начальством дружить...

В напряженных размышлениях и обычной оэробэшной текучке день пролетел быстро, а в 19.00 Геннадий Петрович уже подъезжал к маленькой, но очень уютной частной баньке на Садовой. Колбасов ждал внутри – в отдельном кабинете радовал глаз аккуратно сервированный столик, запотевшие бутылки, казалось, просто кричали: ну откройте же нас скорее!..

Сначала Ващанов с Колбасовым хорошенько попарились, вернее – парился и расслаблялся-то в основном Ващанов, а Володя героически охаживал начальника веником, сам же не прилег на полати, считай, ни на минуту...

Потом они, закутавшись в простыни, сели за стол и не спеша, без суеты и под хороший разговор о бабах ухайдакали бутылочку ледяной «Смирновской». И только после этого Геннадий Петрович приступил к разговору, из-за которого, собственно, и был задуман поход в баню:

– Слушай, Вова, есть у меня одно дело перспективное... Думаю на него тебя поставить... Дело сложное, но ты справишься, я уверен...

– Товарищ подполковник! – Колбасов выпрямился в кресле. – Не сомневайтесь, что поручите – выполню!

Геннадий Петрович снисходительно улыбнулся и похлопал Колбасова по влажному голому плечу:

– Спасибо, я в тебя верю... Так вот – есть информация о банде некоего Барона, не слышал?

– Нет, – покачал головой Колбасов. – А с кем он?.. «Тамбовцы»? «Казанцы»?

Ващанов сморщил нос и помахал рукой:

– Он сам по себе. Странно, что ты о нем не слышал. Этот Барон – вор в законе, судимостей немерено, сам-то он уже дедушка, но голова еще вполне варит... Банда у него хоть и небольшая – четыре рыла всего, – но серьезная. На вооружении даже автоматы имеют – два ствола... По моим данным, за Бароном лично несколько мокрых. Их, в принципе, и доказать можно будет – со временем... Надо Барона этого приземлить и толково с ним поработать. Если справишься, тебя отметим особо...

Колбасов прижал руку к груди и даже чуть привстал в кресле:

– Геннадий Петрович!.. Я же не за награды работаю... За державу обидно, в которой такие, как этот Барон, беспредел сплошной установили... Была б моя воля – лично каждого такого урку мочил бы...

Ващанов улыбнулся и с хрустом свинтил пробку с новой бутылки водки. Разлив слезу по рюмкам, он укоризненно покачал головой:

– Перегибать-то не надо... Мы тем от уголовников и отличаемся, что действуем в рамках закона. Слава Богу, не военный коммунизм сейчас, расстреливать банды с тачанок не надо... Эту бароновскую шайку нужно просто обезвредить, жала, так сказать, повырывать... Этого будет достаточно...

Колбасов с готовностью кивнул, преданно поедая глазами подполковника:

– Готов немедленно приступить к выполнению задания!

Ващанов вальяжным жестом остудил пыл подчиненного:

– Ну, немедленно-то не нужно... Сегодня мы с тобой, Вова, отдыхаем как друзья. Давай-ка, капитан, выпьем за настоящую мужскую дружбу, на которую, между нами говоря, только природные менты способны – такие, как мы с тобой...

Офицеры чокнулись и истово выпили, потом залили водочный огонь ледяным пивком и только потом уже начали закусывать «принятое на грудь» копченой рыбкой.

– Хорошо сидим, – вздохнул Геннадий Петрович, утирая рот тыльной стороной ладони. – И о делах-то говорить в такие минуты не хочется... Но надо, что поделаешь... Нашу-то работу за нас никто не сделает. Так вот о банде этой. Начинать нужно с главаря. У меня все данные на этого Барона есть, я тебе завтра утром отдам – на свежую, как говорится, голову... Но в деле есть один нюанс, говорю тебе доверительно. Меня этот Барон, хоть он и авторитет известный, не столько сам по себе интересуется, сколько... Этот старый картину одну взял на чужой хате, хорошую копию «Эгины» Рембрандта, той, что в Эрмитаже висит... Вот на эту вещь старого и нужно колоть, потому что картина может стать вещдоком в одном деле интересном, где уже очень крупные фигуры замешаны... Я тебе пока всего говорить не могу, но... через «Эгину» эту на высоких коррупционеров выход есть... На правительственном уровне.

– Понимаю, – кивнул Колбасов.

– Это хорошо, что понимаешь, – усмехнулся Ващанов. – У них сейчас большие возможности, даже к нам подбираться пытаются, а потому дальний наш прицел должен быть виден только нам. И все. Иначе развалится комбинация. Сколько таких случаев уже было. – Геннадий Петрович горестно вздохнул, махнул рукой и продолжил: – Стало быть, так: Барона закрываем на чем-нибудь, плющим – он нам сдает картину. Ему деваться некуда, не захочет же он в тюрьме подыхать, а лет-то ему уже немало... И здоровье – сам понимаешь, после зон да лагерей не как у горного аксакала... Отдаст картину – закрепимся на этой «теме»

и попробуем дальше ниточку потянуть, глядишь, и до основных пидормотов доберемся... Ясно? Только учти – обо всей операции в полном объеме должны двое знать: я и ты. Понял?

– Как не понять, – медленно кивнул Колбасов, бросив на начальника быстрый взгляд. – Все будет нормально, Геннадий Петрович. Не первый раз замужем. На чем бы только этого Барона зацепить?

– Думай! Опер ты или тыловик? – хмыкнул Ващанов.

Колбасов почесал нос и неуверенно взглянул на подполковника:

– Может, двести восемнадцатую²⁰ ему впендюрить? Патрончики? А?

Ващанов скептически скривился и покачал головой:

– Не пройдет... Он же старый... Неубедительно будет.

Колбасов пожевал верхнюю губу, оставляя на реденьких черных усах капельки слюны, и выдвинул новый вариант:

– Наркота?

– Не то, Вова, не то! – В голосе подполковника начали прорезаться раздраженные нотки. – Тоньше надо, не шаблонно...

Колбасов засопел, хлебнул пивка, помолчал, прокручивая в голове возможные комбинации, и наконец просветлел лицом:

– Есть мысль! А что, если мы его на валюту вяжем?

Геннадий Петрович недоуменно вздернул плечи:

– На валюту? Это же неактуально сейчас! Да и «тема» не его опять-таки... Ой, что-то расстраиваешь ты меня, Вова, заработался, видать, совсем...

Но Колбасов убежденно возразил:

– Получится, Геннадий Петрович! Статью-то валютную никто не отменял, по закону вполне применить можно! И человек по этой «теме» у меня надежный есть – подведем к Барону, все чисто пройдет.

– Да? – с сомнением переспросил опера Ващанов. – Ну что же, попробуй. Только помни одно – старика приземлить нужно качественно! Сдаст картину – можно и выпустить будет, понаблюдать за ним, а потом уже разом всех окучим... Понял? Сколько тебе на реализацию времени потребуется?

– Ну... недельку как минимум, – ответил быстро прикинувший в уме сроки Колбасов. – Пока обставимся, подходы наведем... Раньше нереально.

– Ладно, – согласился Геннадий Петрович. – Неделю я тебе даю... Завтра продумаешь детали и доложишь мне. Вообще обо всем, что касается этого дела, сразу информируешь меня лично во избежание утечек. Среди наших тоже всякие попадают...

– Ясно, товарищ подполковник, – закивал Колбасов. – Не сомневайтесь, все в лучшем виде оформим.

– Хотелось бы, – тяжело вздохнул Ващанов и снова наполнил рюмки. – Имей в виду, Вова, ты в этом деле на свою биографию работаешь... Так что, сам понимаешь, все в твоих руках... Ладно, давай еще по одной примем – и в парилочку... Веником-то ты хорошо работаешь – хотелось бы, чтобы и голова не подкачала.

– Не подкачает, Геннадий Петрович, – заулыбался Колбасов. – Вы же меня знаете...

Голова старшего оперуполномоченного ОРБ Владимира Колбасова действительно не подкачала, и вечером 6 октября 1992 года вор-рецидивист Барон переступил порог камеры в печально известной питерской тюрьме «Кресты».

– Здравствуйте...

²⁰ Статья 218 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за хранение и ношение оружия и боеприпасов.

Подслепогато сощурившись, Юрий Александрович Михеев неторопливо осматривал камеру «учреждения ИЗ-45/1», больше известного в народе как тюрьма «Кресты». В этом заведении содержались в основном не осужденные, а подсудимые, то есть те, кого суд виновными в совершении инкриминируемых им преступлений еще не признал, но кого предварительное следствие сочло необходимым изолировать от общества. Камера, куда конвойный втолкнул Юрия Александровича, была типовой, рассчитанной на восемь человек, но парилось в ней четырнадцать душ – Михеев становился пятнадцатым жителем, поэтому радости по поводу его появления никто не выказал. «Кресты» душил кризис перенаселения – известны были случаи, когда контролер, скажем, заталкивал в «хату» новенького, а старожилы выкидывали его обратно в коридор, крича при этом, что и так, мол, человек на человеке лежит, не продохнуть...

Юрий Александрович безрезультатно искал глазами свободную шконку – все нары были заняты, в камере давно уже спали по сменам, вот и сейчас одни обитатели сидели на корточках у стен, другие тяжело дышали в тревожном сне. Воздух в хате был спертым, и Михеев подумал о том, что его легкие долго не смогут выносить эту атмосферу... Впрочем, скулить и жаловаться старик не собирался, а о легких своих Юрий Александрович подумал отстраненно, просто констатировал факт, и все...

– Ну чё встал-то, папаша, не икона, чтоб тобой любовались... Проходи, не в гранд-отеле!.. – раздраженно рявкнул на Михеева некто коротко стриженный, свесившийся с верхних наров. Больше всего этот парень походил на бычка какой-нибудь городской группировки – их в последнее время в Питере развелось много, и типажи успели примелькаться...

Юрий Александрович ничего не ответил, спокойно снял сразу запотевшие очки, протер их пальцами и так же молча прошел в угол камеры. Там он снял с себя пиджак, бросил его на пол и присел, положив руки на острые колени. Вдруг, словно вспомнив что-то важное, старик привстал и вытащил из кармана пиджака сдобную булочку, которую уговорил снегирей²¹ не отбирать у него. Михеев разломил булочку на две части и протянул их худому прыщавому юнцу, сидевшему на полу по-турецки, и бомжеватого вида старичку, лежавшему под нижними нарами:

– Жуйте, бродяги...

– А ты-то что? Сам не будешь? – удивился бомжеватый старичок, быстро, Впрочем, хватая угощение...

– Нет, – покачал головой Юрий Александрович. – Я сытый...

Михеев привалился спиной к стене и устало прикрыл глаза. Незаметно и без разрешения, как это всегда бывает в тюрьме, пришли к нему воспоминания.

Старик вообще в последнее время все чаще и чаще начал уходить мыслями в прошлое. Ему было что вспомнить...

Юрий Александрович был коренным питерцем. Его мать в молодые годы считалась в Петербурге одной из блестящих светских красавиц, так, по крайней мере, утверждали старожилы некогда модного дачного местечка Озерки, куда наезжали и Блок, и Северянин, и Алексей Толстой. Кстати, по семейному преданию, Блок даже посвятил юной красавице одно из своих стихотворений. Вера Сергеевна (так звали мать Михеева) происходила из не очень знатного дворянского рода, но ее отец сумел выйти в достаточно высокие чины – он служил по железнодорожному ведомству и в отставку ушел надворным советником. Многие светские львы дореволюционного Петербурга пытались ухаживать за Верой Сергеевной, но она неожиданно для всех вышла за скромного и застенчивого путейского инженера, без конца теребившего при встречах с красавицей смешное пенсне.

²¹ *Снегири* – старое блатное прозвище сотрудников милиции, ныне не употребляющееся. Снегирями милиционеров называли в 40–50-е годы: тогда их форма была синей с красными околышками фуражек и петлицами.

Вера Сергеевна сначала не придавала робким ухаживаниям путейца значения, но именно этот нескладный молодой человек буквально поразил ее однажды своим мужеством. Она каталась в коляске с племянницей, лошадь внезапно понесла, а Александр Юрьевич (так звали инженера), случившийся неподалеку, не раздумывая бросился наперерез, повис на упряжи и остановил испугавшееся чего-то животное... Это было так романтично... Через месяц они объявили о помолвке, а еще через два обвенчались... Это было в 1913 году. Через одиннадцать месяцев началась Первая мировая война, и Александр Юрьевич, надев погоны подпоручика, ушел на фронт. Вернулся он лишь через год – с двумя Георгиями, в погонах штабс-капитана и с пустым левым рукавом кителя... Но Вера Сергеевна все равно была счастлива, потому что многие не возвращались из той мясорубки вовсе... И молодые снова зажили мирно и счастливо, вот только детей у них почему-то долго не было.

А потом – сначала февраль семнадцатого, потом летние бунты и демонстрации, октябрьский переворот... Родные Веры Сергеевны успели выехать в Финляндию, но Александр Юрьевич покидать Россию отказался наотрез – он по-прежнему работал на железной дороге и считал, что, какие бы политические потрясения в стране ни происходили, поезда должны ходить, и желательно по расписанию... Как ни странно, большевики однорукую инженера уважали – в 1921 году ему поручили курировать восстановительные работы в железнодорожных депо Петрограда, а вскоре после этого Александр Юрьевич стал директором Металлического завода и работал в новой должности настолько успешно, что даже получил благодарность от самого Ленина... В 1924 году Бог наконец-то дал супругам сына, которого назвали Юрием в честь отца Александра Юрьевича.

Казалось, счастье улыбнулось чете Михеевых, они жили в большой квартире в доме на Каменноостровском проспекте, держали домработницу и часто устраивали шумные вечеринки для друзей и сослуживцев Александра Юрьевича, которого на работе звали не иначе как гением...

А потом пришел 1935 год, когда «жизнь стала лучше, жить стало веселее...». Одиннадцатилетний Юрочка радовал родителей, принося из школы отличные оценки, три раза в неделю к мальчику на дом приходила учительница музыки, и тогда в квартире Михеевых звучал старый дорогой рояль, оставшийся еще с дореволюционных времен... Счастливая и веселая жизнь рухнула в одночасье. Много позже Юрий Александрович узнал, что в его мать, по-прежнему блиставшую красотой, но уже зрелой, чувственной, влюбился один крупный партийный деятель... Вскоре Юрочка стал сыном «врага народа» – Александру Юрьевичу припомнили и офицерские погоны, и Георгиевские кресты, а заодно довели обвинение в саботаже и вредительстве. Михеев-старший получил десять лет без права переписки и сгинул навсегда в империи ГУЛАГа... Вера Сергеевна осунулась и словно надломилась изнутри, вечеринок, разумеется, в квартире больше не было, и пришлось Юрочкиной маме потихоньку распродавать замечательную коллекцию картин, которую Михеевы собирали еще со времен разрухи, выменивая у «бывших» полотна на продукты. Теперь осиротевшая семья сама испытала на себе все прелести этого статуса.

Сентябрьской ночью тридцать шестого забрали и Веру Сергеевну – как «японскую шпионку». Больше Юрочка никогда мать не видел, и только много лет спустя ему удалось установить, что незадолго до ареста Вера Сергеевна написала, оказывается, заявление в милицию, в котором обвиняла в изнасиловании того самого «влюбленного» в нее партийного деятеля...

Юру направили на «большевистское перевоспитание» в детский дом имени товарища Молотова... Жизнь там была совсем не сахарной, а дети – они дети и есть... В ноябре 1938 года пятнадцать человек из Юриного класса стащили дорогую меховую шапку директора детдома, продали ее и закатили себе настоящий пир, накупив карамелек, бубликов и молока... Воришек вычислили быстро, было много криков и шума, но, в принципе, никому

ничего не сделали. Кроме Юры, а ведь он за эту шапку даже не подержался, только на «атасе» стоял. Его как сына «врагов народа» осудили и направили в детскую трудовую колонию в Стрельне – там когда-то располагался корпус графа Зубова... После начала войны Юрия перевели во взрослую зону, почему-то в Казахстан, а там Михееву повезло – его взял под свою опеку старый уголовный авторитет по прозвищу Дядя Ваня. Дядя Ваня был вором-законником, он помнил традиции еще дореволюционных блатарей, и к словам его прислушивалось даже лагерное начальство.

В общем-то, именно Дядя Ваня не дал подохнуть от недоедания Юрке Михееву – наверное, увидел что-то старый вор в пареньке, упорном и рассудительном не по годам... Опять же оба книжниками были – Юрка-то к чтению еще со времен счастливого детства приистрастился, а вот кто и когда Дяде Ване привил любовь к литературе, так и осталось для Михеева загадкой... Старый вор о прошлом своем вспоминать не любил, но изредка, под настроение, рассказывал пацаненку о кровавых стычках в двадцатых годах между «урками», «жиганами» и «бывшими», о том, как писался кровью воровской закон, и о том, как посягнули на него «польские воры», «автоматчики» и «суки»... (Суками тогда называли тех из блатарей, кто шел на сотрудничество с властью, в том числе и тех, кто согласился пойти в штрафные батальоны на фронт, – взяв оружие из рук властей, эти воры ставили себя вне закона, воровского закона, разумеется.)

Уроки Дяди Вани были для Юрки невероятно интересны, он все впитывал, как губка, а старый вор, словно понимая, что недолго ему осталось жить на грешной и жестокой земле, радовался восприимчивости своего ученика... Каждому мастеру на определенном этапе хочется передать кому-то накопленные знания и опыт, а в своем деле Дядя Ваня был несомненно мастером... Нет, вор не сюсюкал с Юркой, наоборот, он учил его жестко и без сантиментов. «Никогда не давай себя в обиду – замочат, – часто повторял Дядя Ваня. – Самое главное – никому не верь, никогда не жалуйся, ничего не бойся и ни о чем не проси...» Станным он был человеком, этот «профессор воровской академии». Дядя Ваня мог часами рассказывать о жуликах, ворах и разбойниках прошлого, разбирать их приемы и стили и с таким же удовольствием обсуждал с Юркой романы Достоевского и Толстого – лагерная библиотека была укомплектована почему-то в основном классиками...

Умер Дядя Ваня за месяц до Юркиного освобождения – в сентябре 1945 года, и тогда Михееву показалось, что он осиротел во второй раз... Юрка вернулся в Ленинград, хоть и негде там ему было жить – квартиру Михеевых заняли, разумеется. Но Юра и несильно горевал по этому поводу, в прошлую жизнь все равно не было возврата...

Он прибил к небольшой воровской ватаге, орудовавшей на Петроградской стороне, но на свободе погулял недолго – в мае сорок шестого по-дурацки попал в облаву на Сенном рынке, в кармане у него был старый офицерский «вальтер» без бойка и патронов, который Юрка таскал с собой исключительно для блезиру... Этот дешевый понт обошелся Михееву нацепленным на него внаглую разбоем, о котором Юрка и слыхом не слыхивал. После суда его этапировали в Севураллаг, а учитывая происхождение из семьи «врагов народа», засунули Юрку в спецлагерь, где выжить было очень трудно, потому как там оседали настоящие «сливки общества»... Но ведь и Юрка был уже не тихим интеллигентным мальчиком: жизнь превратила его в быстро взрослеющего тигренка, который хорошо умел показывать зубы...

– Ты чё, оглох, что ли, папаша?! Курево есть, спрашиваю?!

Юрий Александрович приоткрыл глаза и сощурился – перед ним, широко расставив ноги, стоял давешний бычок, тот, что первым поприветствовал Михеева в камере, свесившись с верхних нар.

– Курево есть, дед? Отвечать надо, когда спрашивают!

Всем своим видом парень пытался изобразить бывалого урку и для убедительности поигрывал бицепсами – на левом синела какая-то армейская татуировка. На самом деле этот

мелкий рэкети́р, судя по всему, попал в камеру первый раз, и за его показной грубостью скрывался тщательно маскируемый страх перед будущим...

– Так не просят, – негромко ответил Михеев, спокойно глядя на стриженного бугая снизу вверх. – Ты волшебное слово сказать забыл.

«Работник рэкета» так растерялся, что даже приоткрыл рот.

– Ты чё?.. Ты чё, дед, больной, что ли?

Парень сделал было шаг к старику, но у того из-под полуприкрытых век блеснул неожиданно такой взгляд – бычка словно финкой по лицу полоснуло... Он даже не понял, почему ему вдруг расхотелось взять этого старикана за шкуру и хорошенько встряхнуть, чтоб знал свое место...

Парень потоптался, что-то ворча, и полез обратно на свои нары. По камере словно вздох удивления пронесся, а Юрий Александрович снова прикрыл глаза. Он очень устал, последние двое суток спать ему не пришлось ни минуты... И Михеев снова окунулся то ли в дремоту, то ли в воспоминания, которые казались сном...

В спецлагере Севураллага публика подобралась довольно пестрая – тут всякой твари было по паре, но основную массу зеков составили «враги народа». Блатные называли их презрительно троцкистами-вредителями. Больше всего в этих недавно еще вполне благополучных людях Юрку поражала готовность предавать и пресмыкаться перед кем угодно – лагерной администрацией ли, блатарями ли. Сломленные и забитые, «политические» быстро теряли человеческий облик, и никаких чувств, кроме презрения, у Михеева не вызывали... Нет, не все они, конечно, были такими, но – подавляющее большинство. Они стучали друг на друга за лишний кусок, отчаянно цепляясь за жизнь, и почти каждый трогательно верил в то, что попал в лагерь по ошибке, что «все исправится, когда „там разберутся“»... Особняком держались офицеры-фронтовики – эти были мужиками сильными и стояли друг за друга, никому не веря. Юрка потянулся было к ним, но они блатаря в свою касту не приняли. Да и не так долго пробыл Юрка в Севураллаге... С блатными Михеев сначала жил мирно, они признали Юрку за своего и даже крестили вскоре, дав ему погоняло Барон. Кличка эта возникла не случайно – хорошее воспитание, полученное Юркой в детстве, наложило на благоприобретенное блатное пижонство и щегольство, а все вместе породило совершенно непередаваемую манеру держаться и говорить: ни дать ни взять вор-аристократ, вроде тех, про которых в старых лагерных песнях поют...

Однако вскоре после «коронации» и официального приема Михеева в воровское братство начал ревновать к его растущей популярности некто Бенья Киевский – он в паханах ходил, всегда с пристяжью²² и не хотел делить ни с кем власть и популярность.

Бенья сначала-то Юрку обласкал, а потом соперника в нем увидел, вот и решил однажды Михеева «на место поставить», да только вышло-то по-другому... Не надо было Бене руки распускать (тем более что между ворами это не по понятиям было) – не вошла бы ему в горло заточка Юркина... Навсегда запомнил Барон, как бился на полу в бараке у его ног в предсмертных конвульсиях Бенья, а Юрка молча ждал с заточкой в руке, когда кинется на него Бенина пристяжь. Не кинулись...

А Юрку за Беню отправили на Колыму этапом, но молва о нем докатилась туда раньше его прибытия, и Михеева с почетом встретил сам Иван Львов, авторитетнейший вор, державший чуть ли не всю Колыму... В те годы вспыхнула едва ли не по всем лагерям Союза знаменитая «сучья война», добавившая Юрке шрамов и в душе, и на теле – суки и воры резали друг друга яростно и беспощадно, на уничтожение... Только в России могло быть такое – кровавая война между преступниками по «идеологическим» мотивам: одни отстаивали старый воровской Закон, другие хотели его изменить... Может быть, и не дожил бы

²² Пристяжь – воровская свита (жарг.).

до конца своего срока Юрка Барон в этой бесконечной и безжалостной кровавой круговерти, но летом 1953 года случилась знаменитая бериевская амнистия после смерти Сталина.

Барон снова вернулся в Ленинград – в этот город его тянуло с непреодолимой силой, Питер, как наркотик, навсегда вошел в Юркину кровь...

Воля пьянила и волновала, прошедший все возможные тюремные университеты Михеев хотел жить – и жить красиво... На второй неделе после возвращения в Ленинград Юрка взял квартиру богатого насоса – верного сталинца и передовика советской торговли, заведующего промтоварным магазином товарища Казакевича. Тот разжирел и поднялся еще в годы войны – он во время блокады отвечал за распределение продовольствия в одном из районов умиравшего с голоду города. За хлеб люди готовы были отдать все, потому что «хлеб» и «жизнь» в то время были синонимами...

Наводку на завмага дала продавщица Надя. Она не только работала у Казакевича, но и была когда-то его любовницей – пока торгаш не бросил ее, поменяв пассиву на более молодую... Юрий познакомился с Надей случайно, а познакомившись, быстро влез к ней в доверие и в постель – после войны мужики были в дефиците...

Попад в квартиру Казакевича, Михеев даже растерялся от обнаруженного богатства – резко контрастировало убранство жилища завмага с повсеместной разрухой и бедностью... Юрка взял из хаты только самое ценное, то, что смог унести, потому что работал один. После дела затаился, спрятав добычу, но... Очень быстро выяснилось, что предпринятые меры предосторожности были излишними – Казакевич заявление в милицию делать не стал, понимая, видимо, что там его могут спросить о происхождении похищенных вещей.

Экспроприированное у торгаша Юрка скинул по дешевке знакомому скупщику краденного на Петроградской стороне – и загулял... Вино, красивые женщины, услужливые швейцары дорогих ресторанов – всего было вдоволь, и всем этим Барон наелся до оскомины месяца через три, когда стали заканчиваться деньги. Жгло что-то Юрку изнутри, не хватало чего-то... И мучили бесконечные вопросы о смысле жизни, о добре и зле.

Месяц Михеев потратил на то, чтобы найти партийного работника, который погубил Александра Юрьевича, а потом и Веру Сергеевну. Пока искал, не сомневался в том, что завалят гада, а когда нашел... Лысый жирный старик, впадающий понемногу в маразм, Юрку не узнал – бывший партийный функционер уже несколько лет скучал на пенсии, быстро превращаясь в совершенную развалину.

Барон встретил старика во дворе дома на Васильевском, где тот жил, подошел вплотную, заговорил о какой-то ерунде... Бывший партийный работник разговор охотно поддерживал – ему, как и большинству стариков, было скучно и обидно от того, что молодые не желали слушать их «мудрые сентенции»... Ведя болтливого пенсионера к лавочке в тихом скверике, Юрка левой рукой поддерживал его за локоток, а правой сжимал финку в кармане плаща. Но ударить так и не смог, перегорело почему-то в душе желание отомстить... Да и стала бы легкая смерть от ножа наказанием для этого больного и всеми покинутого старца? Пенсионера, которого Барон оставил скучать на лавочке, даже, наверное, и не почувствовал, насколько близка от него была тогда смерть. Хотя старик и так уже не жил, а только доживал...

Уходя из скверика, Юрка впервые задал себе вопрос: а есть ли у тебя право людей судить? И почему-то очень тяжело на сердце стало у Барона от этого вопроса... В колымском лагере он судил часто и всегда считал воровской суд более справедливым, чем суд советский. Ведь, как ни странно, воровской суд был судом присяжных, не то что у этих – по команде с телефона... В лагере на суд собиралось человек по шестьдесят-восемьдесят, и «заседания» длились несколько дней по строгим правилам. Всех выслушивали и решения без свидетелей не принимали... Даже ссучившимся слово давали и, случалось порой, оправдывали, если убедительных доказательств вины не было. Ну а если виноват – что ж, ответь... Но пригово-

ренному давали несколько дней, чтобы человек сам со своей совестью разобрался и своими руками все сделал... И только если духу у приговоренного не хватало, тогда... Тогда – все по закону... Именно по закону, а не по советским понятиям... Хотя, конечно, и меж воров случалось всякое...

– Слышь, дед, ты чё выебываешься-то?! Думаешь – старый, так выебываться можно?!

Юрий Александрович очнулся от дремоты – давешний бычок угрожающе тряс его за плечо. Он, видимо, полежав на нарах, решил, что наглому старику все-таки нельзя спустить непочтительный ответ на вопрос о куреве, а то ведь и авторитет среди сокамерников пошатнуться может.

Барон усмехнулся и, глядя парню прямо в глаза, спросил:

– Слушай... Ты, часом, не из «тамбовских» ли будешь?

– Чево? – растерялся стриженный. – А тебя чё – ебет, кто я?!

– Ругаться нехорошо, – спокойно ответил Юрий Александрович, все так же неподвижно сидя у стены. – Все-таки мне кажется, что из «тамбовских» ты. Под Бабуином ходишь, не иначе...

Рэкетиры опешили и машинально проговорились:

– Не Бабуин, а Валерий Станиславович... А ты откуда знаешь?

Михеев пожал равнодушно плечами:

– Люди-то себя так не ведут, как ты... Значит, под Бабуином. Тебя как зовут?

– Я чё, на допросе? Какая, на хер, разница?! – Парень явно начал заводиться, но ударить старика все никак не мог решиться. Что-то мешало. Бычок не мог понять, почему этот доходяга его, такого здорового, не боится. Это было очень странно, а все странное и непонятное вызывает страх, так уж устроены люди...

– Жаль мне тебя, – вздохнул Юрий Александрович. – Жизнь таких перемалывает...

А что «тамбовский» ты – вдвойне жаль...

– Чево? Чё ты жалеешь-то меня?! Нет, дед, ты точно ебнутый!

Барон протер полую пиджака очки и водрузил их на свою тонкую переносицу.

– Видишь ли... «Тамбовцы» – они сейчас самые паскудные. И жадные. Сами себя пожирают – и пожрут, ты уж поверь мне...

Бычок даже задохнулся от такой наглости – несколько раз он открыл и закрыл рот и, крутя головой, недоуменно спросил у сокамерников:

– Не, вы слышали, а? Дед, я тебя по-людски спрашиваю: ты чё – псих?

В камере было очень тихо, остальные обитатели замерли, прислушиваясь к странному диалогу. Неужели старик не понимает, что Зубило (так представлялся бычок) сейчас его в стенку вбивать начнет?..

– Послушай совета, – все так же негромко и спокойно сказал Барон. – Во-первых, перестань ругаться, а то ведь за базар этот и ответить можно... А во-вторых, ты в тюрьме, паря, а в крытке так себя не ведут... Здесь все люди – братаны, пока обратного не выяснилось...

– Чи-иво? – Зубило хлопнул себя по мощным ляжкам. – Ты, что ли, братан? Не, я прикалываюсь, ты чё мелешь-то, дедуня?

Юрий Александрович, прислушавшись к говорку парня, вдруг спросил:

– А скажи-ка... Чего это ты, вологодский, к «тамбовцам» примкнул?

– Почем ты знаешь, что я вологодский? – удивился парень.

– Ну а откуда же? – улыбнулся Михеев.

– С Череповца...

– А это что – Бразилия, где все богатые плачут? – Юрий Александрович, улыбаясь, смотрел на бычка, девственный лоб которого не украшала ни одна морщина.

– Все, дед, ша! Сейчас ты у меня плакать будешь... Как в Бразилии...

– Совести у тебя нет, – вздохнул Барон. – На старика руку поднимаешь? Беспредел это...

Вместо ответа Зубило рывком поднял Михеева на ноги с пола, но ударить не успел – в двери лязгнула «кормушка», и в камеру ворвался грубый голос контролера:

– Михеев, на выход! Опер вызывает!

Стриженный выпустил Юрия Александровича и быстро метнулся к своим нарам. Барон неторопливо оправил рубашку и снова опустился на пол.

– Как фамилия? – бросил он контролеру. – К оперу не пойду, пусть следователь приходит.

– Чево? – удивился контролер за дверью. – Ты чево дерзишь-то? Сказано – на выход! Опер по фамилии Колбаскин... Тьфу ты, блядь, Колбасов! Ждет он!

– Пусть ждет, – пожал старик плечами. – Сказал же – к оперу не пойду! И дай мне ручку с бумагой – жалобу писать прокурору буду, права мои нарушаете...

– Ну, блин... Смотри, поплачешь потом! – рывкнул невидимый контролер.

– Это богатые плачут, – усмехнулся Юрий Александрович.

«Кормушка» с лязгом захлопнулась, и в камере снова стало тихо.

Барон вздохнул и прикрыл воспаленные глаза. Его тянуло в сон. Раньше он таким не был – по трое суток мог не спать, оставаясь бодрым и свежим. Возраст... Хотя нет, дело, конечно, не только в возрасте. Рак... Проклятая болезнь... Да, все к развязке идет, недолго осталось... Берут свое тюремные университеты... От костлявой всю жизнь бегать можно – все равно не убежишь... Да и пора, наверное... Бог дал – Бог взял...

«Мне на жизнь грех жаловаться, – думал Барон, незаметно для себя задремывая. – Могло и хуже быть... Вот только Ирину жалко... Как она теперь? Пропадет ведь без меня с таким-то наследством... Лебедушка моя... Не оставят тебя в покое... Я-то что, я пожил... Пожил?..»

Нет, не только на кабаки и женщин тратил время и деньги удачливый вор Юрка Барон. Ходил он и по музейным выставкам, не пропускал театральные премьеры, и в середине пятидесятих годов трудно было распознать в Михееве зека со стажем. Многочисленным своим любовницам он представлялся обычно как физик-ядерщик или геолог – и ведь верили. Одевался Барон с иголочки: рубашка всегда свежая, брюки наутюжены – обрезать о стрелки можно, туфли начищены до зеркального блеска... Юрка в лагерях хорошо научился на гитаре играть, романсы пел – заслушаться можно было, да и на клавишах кое-что мог изобразить – не забылись до конца уроки из счастливого детства.

Вальяжные манеры Барона открывали ему многие двери, в самых разных ленинградских компаниях был он своим человеком, заводил знакомства, приценивался к потенциальным клиентам... И рос список его жертв: квартира буфетчицы из рюмочной на Лиговке, хата директора Кузнечного рынка, дом искусствоведа Холстовского, хоромы директора деревообрабатывающего комбината... В каждой поставленной им квартире поражался Юрка богатству, которое невозможно было скопить на честно получаемую зарплату. Вынося из квартир самое ценное, Барон, усмехаясь, думал о том, что потерпевшие-то, ежели по совести рассудить, были еще большими ворами, чем он сам...

Поскольку самым ценным в обнесенных Михеевым хатах были предметы антиквариата, начал Барон постепенно вращаться в подпольный рынок торговли старинными вещами – картинами, скульптурой мелкой пластики, ювелиркой... Появились у Юрки и постоянные заказчики, хоть и старался он себя не афишировать, действуя через двойные-тройные прокладки, но Барон почти всегда догадывался, кому пойдут добытые им вещи... На основе своих наблюдений, умозаключений и догадок Михеев начал составлять собственную картотеку на самых крутых ленинградских антикварщиков, а заодно и на те шедевры, что оседали в частных коллекциях... Неожиданно для себя Юрка увлекся историей живописи,

ходил даже на лекции в Эрмитаж, особенно интересовался почему-то фламандцами. Может быть, потому, что в коллекции его отца было когда-то несколько картин представителей этой школы...

Так прошло несколько лет; дела у Барона шли в гору, деньги не переводились. Хотя и был Юрка сущим мотом, но сумел даже кое-что на черный день отложить. Видно, понимал, что день этот не за горами. Известное дело – сколь веревочке ни виться... И влетел-то Михеев снова дуриком – у задержавших его мусоров наверняка ничего, кроме предположений и интуиции, не было, но... Не повезло Юрке – лежал у него в кармане золотой портсигар, позаимствованный из квартиры академика Виннелсона вместе с некоторыми другими вещами... И ведь знал Барон прекрасно, что нельзя ни в коем случае самому паленым пользоваться, да уж больно вещица понравилась... Говорил ведь когда-то Дядя Ваня: «Взял вещь – либо скинь ее побыстрее, либо положи от себя подальше». Пижонство подвело... Подсадовал на себя Юрка, но горевать особо не стал – вор должен время от времени в тюрьму садиться, и хоть и нет на свете ничего слаще воли, но ведь и тюрьма – дом родной... А Барон не наведывался к «хозяину» уже давненько – шел июль 1961 года, когда он спалился на виннелсоновском портсигаре...

И поехал Юрка в солнечную Воркуту, утешая себя тем, что вечер его жизни еще не наступил и, стало быть, придет и на его улицу праздник... В лагере, куда он попал, уже сидели пятеро воров, что было достаточно неожиданным и странным обстоятельством для тех времен: со второй половины пятидесятых мусора всерьез принялись давить коронованных и свозили их в основном в особые лагеря вроде знаменитого «Белого Лебедя», где, как молва говорила, приходилось «камни деревянной пилой пилить»... Идея-то проста была – если в банке сидят одни пауки, они непременно начнут жрать друг друга; если в лагере одни воры, значит, сами друг дружку будут резать, «опускать» да ссучивать...

Страшные дела делали менты, торопясь отрапортовать поскорее о полной ликвидации тайного воровского ордена, не брезговали ничем – и ссучивали коронованных, и голодом морили, заставляя подписки об «отречении» давать, и лживые слухи о ссучивании распускали... Это была война на истребление законников, на уничтожение самой памяти о воровском законе, и совсем немного не хватило властям сил до «полной и окончательной» победы, о которой они заявили... Воровское движение переживало кризис и очередной раскол.

Вот и в лагере, куда прибыл Барон, не было среди пятерки воров единства и братства. За общак²³ отвечал Гиви Чвирхадзе, кутаисский еврей с погонялом Гурген. Несмотря на молодость (ему едва минуло двадцать шесть), у Гиви была достойная репутация среди воров, потому и доверили ему общак... Впрочем, и остальные четверо «бродяг арестантского мира» в солидный возраст еще не вошли. Гурген хоть и родился в Кутаиси, но считался московским вором – он осел в столице в восемнадцатилетнем возрасте и при желании мог говорить по-русски совершенно чисто, почти без акцента. Другое дело, что желание такое возникало у Гиви крайне редко, он считал, что странный, какой-то плавающий кавказский акцент добавляет весомости и значимости его словам.

Гургена поддерживали Миша Китаец (тоже москвич) и калининский вор Толя Босой. Двое других – питерский Витька Антибиотик и вологодский Коля Нос – москвичей не любили и постоянно ломали головы над тем, как бы их «подвинуть» – и от общака, и от рычагов управления мужиками. Приход в зону авторитетного Барона (а он был старше годами и заслуженнее каждого из воркутинской пятерки) мог изменить ситуацию – и Анти-

²³ *Общак* – тайная воровская касса, предназначенная для «грева зоны и блага воровского», а также для решения некоторых других вопросов тактического характера. Часто ошибочно считают, что общак – нечто вроде большой заначки. На самом деле общак – это своего рода мини-банк, коммерческое предприятие, где деньги не лежат мертвым грузом, а работают, крутятся, приумножаются... Суммы, сосредоточенные в лагерных общаках в 60-х годах, были поистине огромными; эти деньги, между прочим, тратились не только на бытовые нужды заключенных, но и на решение проблем на воле.

биотик надеялся, что не в пользу москвичей. В конце концов, и Барон, и Антибиотик родились в Питере, а земляки должны помогать друг другу... О Гургене Юрка раньше почти ничего не знал, Китайца встречал однажды, про Босого и Носа слышал краем уха... А о Витьке Антибиотике, крещенном еще на первом сроке авторитетным вором Дядей Ваней, Михеев слышал много... Говорили, что на пересылке, перед тем как попасть в воркутинский лагерь, Витька «вместе кушал» с казанским Рашпилем – человеком хитрым и жестоким, придерживавшимся воровских понятий не из-за идеи, а исключительно по выгоде, хоть и нечего ему было предъявить по существу... Для Барона близость к Рашпилю, с которым он несколько раз пересекался, была не самой лучшей рекомендацией, да и о самом Антибиотике поговаривали разное: мол, паренек-то из молодых, да ранний, не любит останавливаться ни перед чем, а человек встанет на его дороге – затопчет легко и без раздумий лишних. Как и Рашпиль... Недаром, видать, народ русский поговорку выдумал про то, что свой свояка видит издалека... Хотя на словах-то Витька всегда был за «братство жуликов» да за «дружбу воровскую», но... Казалось почему-то Юрке, что легко перешагнет Антибиотик через все эти понятия, если карта ляжет так, что будет это Витьке выгодно... Не нравились Барону глаза молодого вора, потому как было в них нечто общее с глазами тех, о ком Михеев точно знал, что к оперу бегают. Да и в Ленинграде шел слух, что любит Антибиотик своих при «дербане кинуть»...

В общем, по тому, что Юрка знал об Антибиотике, портрет вырисовывался не самый красивый, скользким был человеком Витька, скользким и шустрым. Но земляки есть земляки. Встретившись в лагере, Антибиотик с Бароном обнялись, расцеловались, водочки выпили... Даже бабу (медсестру вольнонаемную) Витька предложил Михееву, и Юрка, успевший стосковаться по женскому телу, не отказался... Правда, и Гурген поспешил выказать Барону свое радушие и уважение, но Антибиотик все-таки подсутился первым.

И замер лагерь в предощущении закручивавшейся мути, хоть и далеки были мужики от разборок и интриг воровских, но все же – известно ведь, что когда паны дерутся, то у холопов чубы трястись начинают...

Витька сделал ошибку, свойственную молодым, – поторопился он, посчитал, что раз Барон из Ленинграда, то, стало быть, поддержит его с Носом, а никак не москвичей. Каждый вечер почти обрабатывал Антибиотик Юрку:

– Нам, земля, вместе держаться надо, а не то подомнут нас московские... Гурген, жучара, мужиков охмуряет, с нами считаться не хочет... Нет у меня доверия к лаврушнику...²⁴

Складно говорил Витька, вот только к нему самому особого доверия Барон не испытывал. Хотя пиковую масть²⁵ Юрка и сам не жаловал за их склонность к роскоши и барству, шедшую вразрез с воровским законом... В открытую Михеев Антибиотика не поддерживал, но и не возражал ему до поры, присматривался... И чем дольше присматривался, тем более правильными ворами казались ему и сам Гурген, и Китаец с Босым... Нечего им было предъявить – о братве они думали, беспредела лютого старались не допускать, себя блюли в строгости. А вот Антибиотик с Носом – те могли и мужика ни за что обидеть, и говорили много лишнего...

Не уловил Витька общего вектора Юркиных настроений, решил перед фактом Михеева поставить и однажды ночью сказал:

– Пора решать что-то, Барон, самое время сейчас бодягу заварить. Есть у меня предчувствие, что с Гургеном завтра несчастье приключится... Бревнышки со штабеля его

²⁴ *Лаврушники* – презрительная кличка воров – выходцев с Кавказа (*жарг.*).

²⁵ *Пиковая масть* – еще одно название кавказских воров, более уважительное (*жарг.*).

накроют... Чтобы муть среди мужиков не завелась, надо будет сразу и Китайца с Босым к ногтю прижать... Как ты?

– Доживем до завтрашнего вечера, там и поглядим на расклад, – буркнул Юрка в ответ, и Антибиотик счел эти слова согласием. Молодой он тогда еще был, верил в то, во что верить хотелось...

А Барон с раннего утра нашел Гургена и предупредил его, чтоб не вздумал к штабелям с бревнами приближаться.

– Участь твою хотят решить по-сучьи, не по понятиям.

Гурген понял все мгновенно и склонил голову с благодарностью и уважением в черных глазах:

– Спасибо, Юра, помнить буду... Что с Витькой дэлать станэм?

– Есть закон, – угрюмо ответил Барон. – А в нем все сказано. В круг его надо звать. Мы – не они, пусть ответит, как старые люди нам заповедовали...

Гурген молча кивнул, соглашаясь. Круг так круг – пусть все по понятиям будет, все равно Антибиотику конец...

Воровской суд, или круг, мог приговорить к смерти, а мог и просто по ушам дать, то есть раскороновать вора. Скажут обвиняемому: «Ты больше не вор, иди отсюда», – и все, не сидеть больше такому с равными. Только по закону обвинение должно быть предъявлено открыто и ответ надлежит выслушать по всей форме. А там уж – как круг решит, кому поверят больше.

В истории с Антибиотиком доказательств не было: только слово Барона на слово Витькино – он-то, ясное дело, от всего отрекаться стал бы... Но и шансов у Антибиотика не было: Гурген, Китаец, Босой и Барон составляли явное большинство, понимавшее, кому в этой запутке верить нужно... Да и Нос, скорее всего, переметнулся бы к ним по старому принципу: падающего – подтолкни.

Но вышло по-другому. Не состоялся круг. По очень странному совпадению вечером того же дня, когда предупредил Юрка Гургена, лагерная администрация вдруг всполошилась, затолкала Гургена и Китайца в БУР²⁶, по всей зоне прошел внеплановый поголовный шмон²⁷, а на следующий день Антибиотика почему-то перевели куда-то под Норильск... Так и умерла та воркутинская история, удержалась корона на Витькиной голове – никто выносить предьяву на другой круг не стал, не сложилось. На другом-то круге мог бы ведь и совсем другой расклад получиться, кто знает, кому поверили бы...

Поэтому и Гурген, и Барон, и Антибиотик сделали впоследствии вид, что ничего якобы между ними не было, так, трения кое-какие, не больше... Но все трое прекрасно все помнили, а Юрка не сомневался, что приобрел сильного и опасного врага.

С Гурганом же Барон близко так и не сошелся – они уважали друг друга, но держали дистанцию. Скорее всего, Гурген все-таки опасался, что посягнет Юрка на его власть в лагере, хотя внешне кавказец никак этого не выказывал. Но когда подошел срок Барона к концу, показалось ему, что Гурген, которому оставалось сидеть еще год с небольшим, вздохнул с облегчением...

Чвирхадзе проводил Михеева на волю с почетом, как положено. В последнюю ночь они ударили по рукам и договорились помогать друг другу, ежели что.

– Я долг помню, Юра, – сказал Гурген на прощание, задерживая сухую руку Барона в своей клешне. – Атплачу тэм жэ, если давыдется... Дай Бог, чтобы нэ давылос...

– Спасибо, – покачал головой Барон, – но ты мне ничего не должен. Я просто хотел, чтоб по закону все было. Живи легко.

²⁶ БУР – барак усиленного режима. Иногда старые воры так называют ШИЗО – штрафной изолятор.

²⁷ Шмон – обыск, проверка (жарг.).

Гурген помолчал и вдруг предложил:

– Юра... Если будет трудна в Пытыре – приходы в Маскву... У нас для тебя работа всегда будет... Наш каллыктыв тебя примэт...

Михеев приложил руку к сердцу и вновь качнул головой:

– Спасибо, дорогой... В гости заеду, как оказия сложится, а работать... Работать лучше всего дома. Да и не люблю я златоглавую, душная она какая-то.

Лестное предложение отклонил Юрка, знал он, что «московский коллектив», куда приглашал его Гурген, – сильнейшая организация с невероятными, фантастическими возможностями... Знал Барон и то, что отказавшемуся второй раз никто предложения делать не станет. Но не любил Михеев работать в большой компании, был он по натуре своей волком-одиночкой, человеком вольным и свободным. В большом же коллективе... Да, там, с одной стороны, и возможностей больше, и защищенности (связи-то до самого, считай, верха), и денег, но и дисциплина строже, а значит – свободы меньше. Опять же пиковых Барон хоть и уважал, но не любил, и не хотелось ему под них идти...

Так что вернулся Юрий Александрович в Ленинград, поднял из тайника надежного свою картотеку, огляделся – и пошло-поехало все по-старому. Барон подобрал себе двух молчаливых помощников и начал методично и тщательно ломать хаты барыжные. Правильно говорят, что за одного битого двух небитых дают: теперь каждую кражу Юрка готовил скрупулезно и тщательно, выверял чуть ли не по минутам весь путь вещей от законных хозяев до доверенного перекупщика... Хотя можно ли было тех хозяев законными назвать?

Почти одновременно с Бароном в Питер вернулся и Антибиотик, примкнул к Саше Бешеному, тогдашнему королю Петроградской стороны, начал работать с ним... Михеев, конечно, узнал о появлении Витьки, но никакого желания увидеть его не возникло. Да и Антибиотик, судя по всему, не жаждал встречи. А Ленинград город хоть и маленький, но при желании в нем всегда можно разминуться. По крайней мере можно было тогда, в шестидесятых...

– Михеев! – гаркнул контролер в открывшуюся «кормушку». – К следователю! На допрос! Живо давай!

Юрий Александрович встряхнулся, отгоняя усталость и дремоту, потер виски пальцами, потом тяжело встал и, пришаркивая, не спеша направился к выходу из камеры...

В допросном кабинетике его уже ждал следователь – худощавый мужик лет тридцати пяти в помятом костюме и не очень свежей рубашке без галстука.

– Здравствуйте, Михеев, – кивнул Барону следователь. – Я буду вести ваше дело. Зовут меня Задульский Илья Борисович. Я майор милиции, старший следователь по особо важным делам Следственного управления ГУВД Санкт-Петербурга...

– Надо же, – усмехнулся Юрий Александрович. – По особо важным... Какая честь! С чего бы это вдруг ко мне такое почтение?

Задульский не обратил на насмешку в словах Барона внимания и продолжал:

– По вашему делу... Здесь вроде бы все ясно – с одной стороны... А с другой – нужно уточнить некоторые детали... Так что у нас тут?..

Илья Борисович вытащил из дипломата какую-то папку, открыл ее и зашелестел страницами.

– Вы, Юрий Александрович, были задержаны, что называется, с поличным при проведении оперативно-розыскных мероприятий старшим оперуполномоченным Колбасовым... Задержали вас во время осуществления незаконной валютной операции... Гражданин Ниязов Вагиф Мамедович во всем признался, дал показания, согласно которым именно вы были инициатором сделки... Наше правосудие гуманно и не карает строго лиц, осознавших свою вину и глубоко раскаявшихся в противоправных действиях...

– Да, – улыбнулся старик. – Наше правосудие – оно такое... Гуманнее некуда.

– Напрасно иронизируете, – поднял на Юрия Александровича строгий взгляд следователь. – Гражданин Ниязов оказал содействие следствию, и в отношении его была избрана мера пресечения – подписка о невыезде... Вы предпочли занять другую позицию... Я не понимаю вас. Зачем отрицать очевидное? Вы ведь уже немолодой человек. Я хочу напомнить вам, что чистосердечное признание...

– Облегчает душу и удлиняет срок, – закончил за Илью Борисовича Барон. – Не будем об этом... И потом – если вам, как вы говорите, и так все ясно, зачем тогда мои показания-то?

– Следствие интересуют источники приобретения вами валюты, – нахмурился Задульский. – А также я предлагаю вам добровольно выдать предметы, запрещенные законом... У вас есть оружие?

– Бог с вами, молодой человек, – покачал головой Михеев. – Какое оружие, о чем вы? Следователь помолчал, глядя Барону в глаза, а потом сказал, дернув уголком рта:

– Юрий Александрович, вы напрасно заняли такую позицию... Несolidно как-то – в вашем-то возрасте и с вашим опытом... В квартире, где вы проживаете, во время обыска были обнаружены патроны калибра 7,62 миллиметра в количестве девяти штук... А это уже совсем не смешно, знаете ли... Зачем вам патроны к автомату? Поохотиться решили? На кого, если не секрет?

Барон потер пальцами виски и вздохнул:

– Какая-то сказка про белого бычка получается... Я уже говорил по поводу этих патронов – не было их никогда у меня, и не нужны мне они... А тем более оружие... Староват я уже для таких игрушек.

– Ну а откуда же они взялись-то? – подался вперед Задульский. – С протоколом обыска вас ознакомили? Ну вот... Подписи понятых видели? Или скажете, что маслят²⁸ вам милиция подбросила?

– А это уж вам лучше знать, – ответил старик, подпирая щеку рукой. – Я к этим патронам отношения не имею. Что же касается понятых... Зачем нам, гражданин следователь, друг другу горбатого лепить? Вы ведь про наших советских понятых не хуже меня все знаете... Спасибо, что гранатомет под кроватью не нашли...

– Я ничего не леплю, Юрий Александрович! – отрезал следователь. – Не желаете откровенно говорить – не надо... Хуже сделаете только себе – как в старом анекдоте: «Пойду пешком назло кондуктору...» Ладно, у вас будет время подумать... Собственно говоря, у меня к вам на сегодня больше вопросов нет. Но с вами хочет побеседовать оперативный сотрудник Владимир Николаевич Колбасов...

– Он хочет, а я – нет, – пожал плечами Барон. – Отправьте меня в камеру, гражданин следователь. Я устал.

– Ничего, – равнодушно ответил Задульский, вылезая из-за прикрученного к полу стола. – Колбасов уже здесь, и много времени разговор не займет. Он вас в камеру и отправит... А мне еще нужно допросить тут кое-кого, вы у меня, извините, не один...

Уже выходя из кабинета, следователь оглянулся и сказал:

– До свидания, Юрий Александрович. Рекомендую проявить благоразумие – для вашей же пользы...

– Всего доброго, – сухо бросил Михеев.

Буквально через полминуты дверь кабинета вновь открылась и впустила еще достаточно молодого черноусого мужчину, в котором Барон сразу узнал задержавшего его опера. Колбасов обладал типично ментовской внешностью – был не высоким и не низким, не худым и не толстым, с короткой офицерской стрижкой. Взгляд – жесткий, оперский, движе-

²⁸ Маслята – патроны (жарг.).

ния – уверенные... Владимир Николаевич мог бы считаться вполне симпатичным мужиком, если бы его не портила угреватая, чуть лоснящаяся, землистого цвета кожа лица...

Колбасов не спеша подошел к столу, так же не спеша бросил на него пачку сигарет, вынув предварительно одну для себя.

– Курить будешь? – спросил опер Барона так, будто расстались они лишь пять минут назад.

– Не курю я... Бросил, – качнул головой Юрий Александрович, не глядя на Колбасова.

Противно старику было смотреть на опера. В принципе, Барон относился к мусорам спокойно, а к некоторым даже с уважением. Но не к таким, как этот Колбасов. Михеев считал, что каждому в этом мире отведена своя роль: воры должны воровать, менты – ловить их... И если тебя честно переиграли – вини себя и свою судьбу, а противника сволочить нечего. Это в том случае, если игра была честной, если «за свое» к «хозяину» идешь... Но встречались среди оперов и такие ухари, которые за доблесть полагали нацепить на человека вовсе чужое – наркоту в карман засунуть, вещь паленую... Или патроны подбросить с валюткой, как вот этот Колбасов... Таких офицеров старик просто за людей не считал – какие же это люди? Так, твари двуногие... Кстати говоря, по многолетним наблюдениям Барона, именно такие «ударники мусорского производства», прикрывавшиеся красивыми словами о том, что вор, дескать, должен сидеть в тюрьме и не важно, какими методами его туда упекут, – именно они почему-то более остальных были склонны к ссучиванию ментовскому, то есть к тому, чтобы начать однажды за свои деликатные услуги брать деньги от тех, кого прежде запихивали в камеры, не выбирая средств...

– Ну, не желаешь курить – как знаешь, – ухмыльнулся Колбасов, щелкая зажигалкой. – А я подымлю... Копченое-то мясо, говорят, сохраняется дольше...

Опер глубоко, с наслаждением затянулся и красиво выпустил дым двумя струями через ноздри. Старик с еле заметной усмешкой посмотрел на него, потом перевел взгляд на пачку «Кэмела» на столе:

– Кучеряво живете, начальник...

Колбасов кивнул и погладил себя по животу, продолжая улыбаться:

– Честно говоря, грешен, люблю хороший табачок, вот и балую себя иногда... Тебе вот хотел приятное сделать заодно, а ты, оказывается, не куришь... Чего бросил-то, мотор забарахлил, что ли?

– Да нет, с мотором все в порядке, – отвел старик взгляд от лоснящейся хари опера. Барон вдруг почувствовал, как окатило его изнутри горячей волной ненависти, и прикрыл веки, чтобы не выдать своих чувств этому любителю хорошего табака...

Но Колбасов и так все прекрасно понимал, а потому цыкнул зубом и сказал добродушно:

– Ну ладно тебе, Михеев, кончай дуться... Смотришь на меня просто как Ленин на мировую буржуазию, вот-вот глазами сожгешь...

«Сожжешь, а не сожгешь», – мысленно поправил опера Барон и неожиданно для себя успокоился. Стоит ли, действительно, сердце себе рвать из-за таких вот, кто по-русски даже толком говорить-то не научился... Даром что дипломы о высшем образовании у каждого. (Надо сказать, что сам старик имел безукоризненный петербургский выговор – с детства, видно, въелась в него манера следить за своей речью, мать с отцом привили... С годами, правда, все чаще соскакивали у Юрия Александровича с языка блатные словечки и обороты – с кем поведешься, от тех и наберешься, – но, когда надо было, Барон мог изъясняться не хуже старого университетского преподавателя словесности.)

– Работа у меня такая, – продолжал между тем Колбасов. – Вы – воруете, мы – сажаем...

– Понимаю, – кивнул Юрий Александрович. – Насчет того, что сажаем, понимаю. Приятно встретить человека, работающего по призванию...

Колбасов издевку съел спокойно, глазом не моргнул, наоборот, даже рассмеялся, словно старик что-то очень веселое выдал:

– Слышь, Михеев, кончай... А то у нас прямо КВН какой-то получается... Давай-ка лучше по душам поговорим: ты ведь ученый уже, знаешь, что без нашей помощи отсюда тебе не выбраться... Так?

Барон упер в опера тяжелый взгляд:

– А я у вас помощи просить и не собираюсь... До своих лет дожил – ни разу ничего не попросил, а теперь и вовсе смешно было бы.

– Ну-у, Михеев... – с деланным огорчением протянул Колбасов. – Так мы с тобой не построим, понимаешь... Тебе что же – остаток дней во вшивятнике этом провести хочется? Ты же умный человек! Я тут о тебе кое-какие справочки навел – так тебя чуть ли не профессором считать можно... Уголовных дел профессором... Есть информация, что под тобой две бригады ходило, пока мы их не разбомбили, а ты все из себя какого-то святого Моисея строишь. Отвечать-то все равно придется...

– А что ж так мелко-то? – удивился Юрий Александрович. – Две бригады всего... Где две – там и все пять сыщутся, правда, начальник? Лишь бы знать, как искать, но я вижу – вас этому учить не надо. И так умеете. А насчет того, что отвечать придется, так я за себя всегда ответить смогу, никогда от этого не прятался...

Колбасов загасил окурок в банке из-под финского пива, служившей пепельницей, и сказал уже без улыбки:

– Ты бы замашки-то свои баронские попридержал бы, старый... Неразумно себя ведешь, Михеев... А меня интересует всего-навсего одна деталь. То, что хату на Каменно-островском поставил ты, это ни у кого сомнений не вызывает...

Старик ничем не выдал своего удивления – подсознательно он уже ждал чего-то подобного... Иначе зачем было бы ментам устраивать весь этот цирк с валютой и патронами? Тем не менее Барон ответил спокойно и равнодушно:

– Если сомнений не вызывает – предъявите обвинение.

– Не спеши, – дернул губой Колбасов. – Предъявим... Я о другом сейчас... У меня к тебе есть предложение... Ты подумай над ним, предложение стоящее... Так вот: сдай, что взял, – тебе оно все равно ни к чему, попользоваться не успеешь... А отдашь – через день дома будешь... Понял? Но не раньше, чем «Эгина» будет у меня.

– Какая еще «Эгина»? – чувствуя в груди холодную пустоту, выговорил непослушными губами Юрий Александрович. До того как опер произнес название картины, у старика еще оставались какие-то надежды и сомнения, но теперь...

– Не придуривайся! – пристукнул ладонью по столу Владимир Николаевич. – Знаешь, о чем говорю! «Эгина» – картина Рембрандта!

– Ах, эта... – понимающе закивал Барон. – Знаю, конечно... Только она ведь, если не ошибаюсь, в Эрмитаже висит... Как же я вам ее организую? Вы на что меня, начальник, подписываете, не пойму я что-то?

– Все ты прекрасно понимаешь! – возбужденно выскочил из-за стола Колбасов. – Та «Эгина», что в Эрмитаже, мне без надобности... А вот копию, которую ты на Каменно-островском взял, отдай! И пойдешь домой, слово тебе даю...

Старик помолчал, потом посмотрел на Владимира Николаевича внимательно, с прищуром и медленно, словно размышляя вслух, сказал:

– Копия, значит... Из-за нее, стало быть, весь сыр-бор и пошел?

Колбасов ничего не ответил, и Барон продолжил:

– Понятно... Интересно, зачем же вам, начальнику, копия эта понадобилась?

Владимир Николаевич закурил, снова сел за стол и помахал рукой, разгоняя табачный дым:

– Это уже другой вопрос...

– Ко мне? – быстро спросил Юрий Александрович, внимательно наблюдая за реакцией опера.

Колбасов ощерился:

– Да нет, здесь уж мы как-нибудь без тебя разберемся...

«Не знает!» – понял Барон и едва не вздохнул с облегчением. Выдержав короткую паузу, старик поднял взгляд к потолку:

– Предложение, конечно, интересное... Значит, я вам – картину, которую кто-то с чьей-то хаты увел, вы мне – свободу!.. Так? Ну а как же мне из «Крестов»-то найти того, кто вещь взял? Я ведь не экстрасенс, через стенки видеть не умею...

Лицо Колбасова начало понемногу наливаясь краской.

– Слушай, Барон... Мы оба знаем, кто холст взял... Так что давай без спектаклей... У нас разговор по душам идет, без протокола. Ты старый битый вор, дураком не был никогда, так зачем же сам себе хочешь усложнить и без того непростую биографию?

Юрий Александрович улыбнулся одними губами:

– Сложностей мне не надо, только в данном конкретном случае все очень просто: нет у меня того, что вы ищете... Хотя предложение вы мне сделали занятное...

– Вот и подумай над ним на досуге – его у тебя сейчас много будет... – сказал Колбасов, вставая из-за стола и подходя к двери кабинета. – Пораскинь мозгами, Михеев, что тебе интереснее – нам помочь или здесь вшей откармливать... Я к тебе зайду денька через три... Может, принести тебе что? Чайку там, если уж ты не куришь?

– У меня все есть, – покачал головой Барон. – А заходить или нет – это дело ваше...

– Ну как знаешь...

Уже выходя из кабинета, Колбасов вдруг обернулся и с легкой угрозой в голосе бросил:

– Думай, Михеев, думай... А то ведь могут и за тебя все додумать... Здесь и не таких Мефистофелей раскручивали.

Старик улыбнулся. Мефистофель... М-да, неплохо этот Колбасов к разговору подготовился. Второе погоняло Юрия Александровича знали немногие... Так его называли в сложившейся в Ленинграде в начале семидесятых годов группе, получившей позже название «Хунта». Барон тогда изменил своим привычкам и начал работать в коллективе – уж больно идея хорошая была... «Хунта» занималась тем, что обносила квартиры богатых евреев, добившихся возможности выехать из СССР. Адреса клиентов добывались без особых проблем, потому что состояла «Хунта» тоже преимущественно из евреев, Юрий Александрович был в шайке чуть ли не единственным русским... Хорошая была идея... Кто из потерпевших пойдет заявлять в милицию накануне отъезда с билетом в один конец? Заявишь, а тебе выезд задержат, начнут выяснять, каким путем приобретались похищенные предметы... К тому же большинство обнесенных свято верили в то, что кражи – дело рук всесильного КГБ, заинтересованного в том, чтобы ценности и антиквариат не покидали пределов страны... Вот и не жаловались клиенты, считали, что лучше промолчать, дешевле, как говорится, обойдется... Долго и успешно работала группа, а сгорела неожиданно: не учли экспроприаторы одного обстоятельства – того, что среди отъезжающих могут и агенты комитетские оказаться... Вот и нарвались... В ноябре 1978 года поехал Юрий Александрович под Ухту, в Коми АССР. Не так, как раньше, шел он в лагерь – тяжело было на сердце. Раньше он был один, а за несколько лет до того, как «Хунта» запалилась, появилась в жизни Михеева Ирина...

– Михеев! Уснул, что ли? Выходи давай, дедуля!

Зычный голос разбитной контролерши не дал Барону снова окунуться в прошлое. Юрия Александровича вывели из кабинета и поставили лицом к стене. Через несколько

минут громыхнул замок, и старика столкнули в стакан²⁹. Там стоял удушливый запах мочи. Барон посмотрел на лужу на полу и понял, что какой-то забытый до него здесь бедолага не выдержал... Юрий Александрович присел на сиденье и снова подумал о том, что в тюрьме ему долго не протянуть... Неоперабельный рак легких... Жить Михееву оставалось максимум полгода, но это на воле, при хорошем питании, режиме и лекарствах, стоивших бешеных денег... А здесь, в «Крестах», он загнется месяца через полтора-два. Если не раньше.

«Что ж делать? – напряженно думал Барон в полумраке стакана. – Должен же быть хоть какой-то выход, хоть какая-то щелка...» Если бы Володе Колбасову удалось подслушать мысли Юрия Александровича, он очень удивился бы, потому что Барон думал о спасении вовсе не своей жизни...

Когда за ним наконец пришел контролер, чтобы отвести назад в камеру, старик, стиснув зубы, пытался проанализировать расклад. И по всему выходило, что дела хренючее некуда... Юрий Александрович допустил большую ошибку еще на воле, еще до задержания. Кольнуло ведь в сердце предчувствие беды, когда Жорка Пианист пропал... Когда он день за днем не объявлялся, бежать нужно было, бросать все и бежать с Ириной, но Барон успокаивал себя тем, что парень мог загулять, запить (была у Пианиста такая слабость), мог укатить к своей зазнобе – в Ярославле она, кажется, живет, Жорка жениться хотел, все торопил с реализацией взятого у Монахова... Да и куда побежишь? Ирину опять же в одночасье с работы не сдернешь... К тому же брать ее с собой означало подвергнуть большому риску; это только фраера молодые считают, что Россия, мол, большая и спрятаться в ней легко, а старик хорошо знал, как в этой стране умеют искать и находить... Нет, если и надо было бежать, то одному, и не решился на это Юрий Александрович, ждал, что Жора все же объявится. Вот и дождался... Хорошо еще, что, пока первые двое суток в смольнинском ИВС³⁰ парили, выпала Барону оказия весточку Ирине подать, а не то она с ума могла сойти – где он, куда пропал, жив ли... Только бы до нее не добрались. Замучают ведь...

Старик, заложив руки за спину, неторопливо шагал впереди контролера по коридорам и переходам «Крестов». Значит, Пианист исчез не случайно... Не иначе поторопился парень, не стерпел, загнал кому-то что-то из своей доли... И сгорел на этом. А ведь говорил ему Барон: «Жора, надо потерпеть, мы с тобой в опасную игру сыграли, Мишка Монахов – это тебе не обычный насос, за ним серьезные люди... Ждать надо, пока все успокоится... У тебя время есть – вся жизнь впереди». Но молодые не любят ждать, а тем более Жорка ведь после зоны даже оттянуться как следует не успел, кайф не половил, старик его сразу к работе над Мишиной квартирой привлек, а там уж не до кайфов было... Вот и не выдержал, видимо, Пианист... Михеев был слишком старым, чтобы верить в случайность таких совпадений: сначала Жора пропадает, потом его, Барона, вяжут. Да к тому же про «Эгину» в лоб спрашивают, сделку предлагают... Интересно, что же все-таки с Пианистом случилось? Мусора нахватили? Сомнительно что-то... На чем им его брать? Ну, предположим, толкнул Жорик какую-нибудь вещь монаховскую... И что? Менты прихватить могли только в одном случае – если Мишка заявление о краже написал и все похищенное в ориентировку включили. Стал бы Монахов заяву делать? Вряд ли... Сомнительно, очень сомнительно, у Мишки у самого рыло в пуху дальше некуда... Да и не нужны ему менты официальные, Миша через друзей наверняка действовать начал, без всяких заяв... К тому же, если бы Пианист

²⁹ *Стаканы* – маленькие камеры в допросном коридоре «Крестов», наподобие деревенских уборных, с иллюминатором в двери. В «Крестах» контролеров, сопровождавших подследственных на допросы в камеру, на прогулки, категорически не хватало, в этом смысле стаканы были очень удобны, там заключенный мог дожидаться, пока подойдет его очередь и освободится контролер. Случалось, что людей забывали в стаканах на несколько часов – и случайно, и умышленно. Иногда в стакан могли запихнуть сразу двоих – например, мужчину и женщину, чтобы те смогли решить свои сексуальные проблемы. Такого рода услуги, естественно, оплачивались контролерам по особому тарифу.

³⁰ *ИВС* – изолятор временного содержания.

к мусорам попал, они бы давно уже либо сделали очную ставку, либо начали бы врать – мол, поделщик ваш все уже рассказал, все выдал, вам нет смысла упираться... Колбасов обязательно что-нибудь этакое завернул бы, но он, судя по всему, про Жорку ничего не знает. Значит, Пианист не на ментов нарвался... А на кого тогда?

Барон давно уже привык жить по принципу: надейся на лучшее, но рассчитывай на худшее. А самым худшим было бы, если Жорка на отморозков Витьки Антибиотика налетел... Тогда – все, полный провал, у Витьки есть люди, умеющие разговорить самого неразговорчивого... Оставалась, правда, слабая надежда, что Пианист мог все-таки зависнуть где-нибудь по дури: за пару дней до его исчезновения старик увидел у Жорки пистолет ТТ – глупость, глупость какая! Настоящий вор оружия в руки вообще брать не должен, разве что в самых безвыходных ситуациях, это все равно как если скрипач начал с отбойным молотком баловаться... Но теперь все ведь изменилось, у молодежи свои понятия и мода, для них человек без ствола вроде как и не совсем полноценный человек... Отругал тогда Барон Жорку, и пообещал Пианист «тэтэху» скинуть, а вот скинул ли... Мог налететь на случайный патруль, и закрыли его по двести восемнадцатой... Об этом варианте Юрий Александрович думал еще до того, как сам был задержан, хотел даже через связи свои поинтересоваться, не у ментов ли Жорка... Но в конце концов никаких справок наводить не стал – поостерегся след оставить. Ведь если с Пианистом действительно что-то плохое случилось, тогда сразу же особое внимание обратили бы на тех, кто начал им интересоваться.

Нет, не случайно Жорка сгинул, на сеть, видимо, нарвался, которую охотники за «Эгиной» выставили... Да, конечно, всему причина – картина рембрандтовская, только она... Но что же делать?..

Когда Барону стало ясно, что не копию он взял из тайника в квартире Миши Монахова, а самый что ни на есть подлинник, вот тогда ему стало страшно... Не за себя, конечно: все свое Юрий Александрович давно уже отбоялся, человека, стоящего на пороге вечности, может в личном плане страшить одно – как примут его за этим порогом... Барон боялся за Ирину – свою невенчанную жену... Ведь это она установила подлинность холста, ей, искусствоведу и эксперту Эрмитажа, не так уж и трудно было отличить «левого» Рембрандта от настоящего... Вот тогда и пришел страх за нее, за Лебедушку – так любил называть Ирину Юрий Александрович... Есть тайны, о которых лучше не знать, потому что знание это запросто может в могилу утянуть... Только поздно уже было сокрушаться. Знай он заранее, что за холст лежит в чертежном тубусе в карнизном тайнике Монахова, может быть, и оставил бы его лежать там от греха подальше... Может, оставил бы, а может, и нет, только если бы и не оставил – тогда сделал бы все по-другому, приготовился иначе... Да кто ж знал...

Как только стало ясно, что «Эгина» подлинная, Барон начал напряженно думать, что с ней делать. Никаких иллюзий относительно того, что картину удастся продать кому-то, у старика не было. Кто ж рискнет? Ну и куда девать холст? На стенку повесить? В детдом подарить?

Даже у штангистов-чемпионов есть веса, которые они уже не могут толкнуть, вот и Барон чувствовал, что «тема» с «Эгиной» – уже не для него, не размотать ему этот клубочек, не сложить мозаику... Мелькнула было мысль уничтожить картину – и дело с концом, но, когда Юрий Александрович высказал эту мысль вслух, Ирина подняла такой крик, хоть святых выноси, прямо зашла вся... Еле потом ее каплями отпоил – все успокоиться не могла... Да и для самого Барона вариант с уничтожением холста гения был вряд ли приемлем, он ведь по-настоящему любил живопись, чувствовал магию истинных шедевров... Пусть не было у Юрия Александровича специального искусствоведческого образования, но зато практика была, хотя и специфическая. Сколько картин прошло через его руки... Много думал Барон о природе настоящего таланта. Почти все художники умели точно перенести на холст пейзаж или скомпонованный натюрморт или сделать портрет похо-

жим на живое лицо. Настоящий талант отличался от обычных мастеровых тем, что мог упрятать среди мазков какую-то особую энергию, такую, которая способна пережить века, – стоишь перед такой картиной и чувствуешь, будто ток пошел от глаз к полотну и обратно... Такое от Бога дается, а значит, уничтожить картину – это все равно что церковь сжечь... Нельзя такое делать... Ну хорошо, уничтожить нельзя – а что можно? В Эрмитаж обратно принести? Так скажут, спасибо, мол, но у нас уже есть один подлинник, зачем нам второй, вы, дедушка, жулик... И сколько часов жизни останется после такой попытки?

Юрий Александрович хорошо понимал, что провернуть сложную и долгую аферу с подменой подлинника Рембрандта на копию без участия высокого эрмитажного начальства было просто невозможно... Только кто именно в «теме» был? Барон много терся среди людей, хорошо знавших большие и малые тайны ленинградских музеев, разные говорили о директоре Эрмитажа, ох, разное... Не считал его Юрий Александрович «героем золотозвездным», потому что слишком часто сталкивался с тем, как предлагали на продажу вещи, украденные из запасников...

Нет, конечно, Барон не считал, что за каждым таким случаем стоит директор-академик, но почему это вообще стало возможно? Почему у другого академика (близкого друга директора Эрмитажа) в квартире, которую посетил однажды Михеев, обнаружились вещи явно музейного происхождения? Как они там оказались? Кстати говоря, этот обнесенный Бароном академик заявление-то в милицию не понес, поостерегся... А чего, казалось бы, бояться-то, ежели коллекция честно собрана?

Еще более странные слухи ходили о бывшей помощнице эрмитажного хозяина, некой Иде Хавиной, эмигрировавшей в свое время из Союза в Штаты... Бывший компаньон Юрия Александровича по «Хунте» Лева Дуберман подался после отсидки туда же, бани собственные в Нью-Йорке открыл... Несколько раз присылал Лева Барону весточки и подарки, так вот в одном из писем помянул он и Хавину, которая как в Штаты приехала, так ни одного дня и не работала, и никто из ее большой семьи не работал, а зажили богато... С чего, на какие, спрашивается, шиши? Не многовато ли странных вещей за спиной директора Эрмитажа произошло? И происходит... Пресса-то его любит, героем выставляет за ту историю, когда первый секретарь Ленинградского обкома Романов на свадьбу своей дочки «фамильный» сервиз из Эрмитажа затребовал – романовский, но не обкомовский, а царский, с вензелями... Сервиз пьяные гости расколотили на счастье молодым, а эрмитажный академик тогда будто бы письмо в ЦК КПСС написал обо всех этих безобразиях... Ну и где же тут геройство? Сервиз-то уже не вернешь... Вот если бы он не отдал фарфор, если бы лег костями на пороге запасников... Но не лег же. Говорят, время такое было... Это – да, времечко было лихое, что и говорить... Да и люди под стать этому времени... Ирина-то, даром что никогда особо в тайны Эрмитажа нос не совала, и то иногда проговаривалась, рассказывала про тамошние делишки... Видно, и ее допекло, потому что работники Эрмитажа – это каста особая, замкнутая, сор из избы предпочитают не выносить, чтобы, не дай Бог, тень на музей не бросить...

Вот и Юрию Александровичу она рассказывала мало. А ведь знала, что он в жизни не брал музейного...

Нет, в Эрмитаж картину нести было просто глупо. Все равно что подставить свою шею, а заодно и шею Ирины под топор... А куда тогда? В милицию? Не по «понятиям» это было для Барона... Да и не верил он ментам, слишком много среди них ссученных появилось за последнее время... В Комитет отдать? Так развалили Комитет, и комитетчики уже не те стали, все никак после прошлогоднего клоунского путча опомниться не могут, сидят на жопах ровно, никуда не лезут, ни во что не вмешиваются – сокращений боятся, массовых увольнений и «демократических чисток»... В такой ситуации рассчитывать на их защиту, наверное, особо не стоило...

Вот и выходило, что как ни кинь – всюду клин. И так плохо – и эдак нехорошо... Патовая ситуация с этой «Эгиной» сложилась, как в старой присказке: «„Я медведя поймал!“ – „Так води его сюда!“ – „Рад бы, да он меня не пускает!“»

Упустил, упустил Барон время – надо было бежать одному. Спасти, может, и не спасся бы, но, по крайней мере, успел бы охотничков помотать, увел бы их подальше от Ирины... А теперь получается, что она хранительницей стала – на воле только она одна знает, где находится тайник Барона и какой код нужно набрать, чтобы сейф открылся... Правда, одно хорошо – об Ирине никто вроде бы информацией не располагает: ни в мусорских картотеках ее нет, ни братва о ней ничего никогда не слышала – не афишировали они свою связь с самого начала, опасались друг дружку скомпрометировать, даже встречались тайно, словно любовники при живых муже и жене... Хотя и были оба одинокими... Теперь Барон благодарил Бога за то, что Он надоумил скрывать ото всех Иру, – может, и не найдут ее. Нет, нельзя на это рассчитывать, один раз уже понадеялся, что беда стороной пройдет, – вон что получилось... Возьмутся искать по-настоящему – могут и выйти на Ирину. Значит, нужно срочно придумать что-то...

За этими тяжелыми раздумьями Юрий Александрович не заметил, как довел его контролер до хаты, – очнулся, лишь когда захлопнулась за ним тяжелая дверь, когда вошел в больные легкие спертый воздух камеры... На этот раз старика встретили по-другому – к нему сразу подскочил какой-то сиделец невысокого роста, лет сорока пяти, с лицом неприметным, если в глаза не вглядываться...

– Проходи, дорогой, проходи, – негромко заговорил мужик. – Что же ты сразу не сказал, не объявился? А то малява³¹ к нам поступила, мол, к вам сам Барон пожаловал, а мы – в незнанке полной... Может, перекусишь чего? Мигом сообразим.

Барон не считал себя суперзвездой на небосклоне современной преступности и манией величия не страдал. Но проявленное внимание ему было приятно – значит, не совсем еще забыты традиции, помнят еще... От предложенной еды, впрочем, Юрий Александрович отказался – в последнее время аппетит у него пропал начисто, и старик высыхал буквально на глазах...

– Есть не хочешь – так поспи чуток. – Мужик быстро смахнул со своей койки невидимую пыль, оправил смятые простыни.

– Спасибо... – Юрий Александрович почувствовал слабость в ногах, его даже качнуло немного. – А ты-то как же, бродяга?

– Я наспался, посижу пока... А ты ложись, отдохни – на тебе же лица нет.

– Спасибо, – повторил старик и протянул мужику руку. – Звать-то тебя как?

– Федором, – улыбнулся мужик, посверкивая в полумраке белками глаз. Он бережно пожал сухую и легкую ладонь Михеева и покрутил головой. – С самим Бароном в одной камере сидел... Расскажу – не поверят...

Их негромкий разговор, видимо, достал того стриженного, что недоразобрался с Юрием Александровичем. Зубило свесился с нар и злобно рыкнул:

– Хорош пиздеть. Поспать не дадут! Барон какой-то выискался... – Парень приподнялся на локте и с презрением посмотрел на Михеева. – Это он, что ли, Барон? Сперматозавр задроченный...

Федор дернулся было к качку, но старик рукой остановил его движение, сказав негромко:

– Не стоит...

Федор закусил губу, резко выдохнул сквозь зубы и так же негромко прошептал:

³¹ *Малява* – письмо (жарг.).

– Ты бы, паря, полегче языком своим мел. Утомил уже всех... Как бы не пришлось ответить за слова-то...

– Чи-во? – удивился Зубило, явно напрашиваясь на продолжение конфликта. – Чи-во, чи-во?!

– Оставь его, бродяга, – положил руку Федору на плечо Юрий Александрович. – Не то сейчас время... Жизнь его сама научит... Как на зону попадет – мигом обломается-обтежется... Паренек-то, видать, недели две как из спортзала... Ничего, землю потопчет – быстро уму-разуму научится. От судьбы не уйдешь...

– Это точно, – согласился Федор. – Зона, она свои понятия имеет. Там без разницы – тамбовский ты или урюпинский...

От упоминания о зоне быка всего аж заколотило, голос его едва не сорвался на визг:

– Я хер с прибором ложил на твои понятия!

Барон усмехнулся – страх был в голосе парня, страх и растерянность, оттого и выделяется и остановиться не может. Наверное, напел ему какой-то дурачок из таких же спортсменов, что в камере нужно себя как можно наглее и агрессивнее держать, тогда, мол, и уважать будут. Юрий Александрович даже почти расвеселился:

– Ори громче, судьбу все равно не перекричишь... А твоя судьба у тебя на лице написана... – Старик повернулся к Федору, словно «тамбовец» его больше не интересовал, и продолжил: – Был недавно случай с одним барыгой московским, Левон Рафикович Варданян, – очень он в судьбу верил, в астрологию, гороскопы... Ну и читает этот Варданян однажды в газете, что на следующий день никак ему нельзя никаких серьезных дел вести – очень велика вероятность тяжелой травмы. Прочитал это барыга и страшно закиксовал, а потом прыгнул в «мерседес» и умотал в деревушку дальнюю, у него там домишко был куплен... Ночь в избе пересидел, а потом ему и в доме опасно оставаться показалось – испугался, что крыша на голову обвалится... Решил Левон Рафикович перестраховаться и уединиться на лугу. Охрану с собой взял – и лежит себе в ромашках, о делах своих думает, к совести прислушивается... А с совестью-то у Варданяна нелады были, «кидал» он всех без разбору – и своих, и чужих, потому что вычитал в какой-то книжке, что деньги, мол, не пахнут... Так вот, лежит он, четки перебирает, ждет, чтобы черный день скорее прошел... Ну и что? Ушел он от своей судьбы?

Барон обвел взглядом камеру – почти все ее обитатели внимательно прислушивались к его рассказу, а Зубило, ушам которого и предназначалась в основном сказка, даже приоткрыл рот. Федор прятал улыбку в складках лица – ему, похоже, была знакома традиция таких тюремных притч, и он догадывался, чем она закончится. Юрий Александрович выдержал театральную паузу:

– Ничего подобного! Получил тяжелейшие травмы – переломы ребер и сотрясение мозга. Бык его забодал, который на этот луг забрел случайно... Пока охранники чухались, пока палить из пушек своих начали – совсем почти Богу душу отдал Левон Рафикович... Повезли его в больницу деревенскую, а там и врачей-то, считай, не осталось – все в город убежали с голодухи... Старичок один только нашелся да пара медсестричек... Откачать они Варданяна откачали, да только стал он полным дураком с того дня – шугается всего, в штаны гадит, плачет все время... Вот так оно – с судьбой-то спорить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.